

От автора

Проблемы медиакультуры и ее изучения являются не таким простым делом, как представляется на первый взгляд. Уже само понятие «культура» при всей привычности, является исключительно сложным и неоднозначным. Человек открыл для себя феномен культуры в ту эпоху, которую К. Ясперс назвал «осевым временем истории», т.е. VI – IV вв. до н.э. Правда, в то далекое время задумывались над культурной проблематикой отдельные выдающиеся умы своего времени: Сократ, Платон, Аристотель, Конфуций, Гаутама, Махавира, Лао-Цзы... Шло время и на рубеже XIX и XX вв. происходит резкий всплеск интереса к культуре. Причем необходимо отметить, что этот интерес носил массовый характер. Это было обусловлено целым рядом обстоятельств.

Первая причина была связана с тем, что развитие и уровень культуры стал неразрывно связываться с прогрессом и развитием самого общества и благополучием людей этого общества.

Вторая причина – это массовое осознание того факта, что культурное развитие отнюдь не совпадает с историческим развитием.

Третья причина – это преодоление прогрессистских надежд XIX века, которые теснейшим образом связывали прогресс и благополучие человечества с научным и техническим прогрессом. Выяснилось, что технические достижения, сочетаясь с низким уровнем культурного развития человека, ведут к большим опасностям и проблемам.

Четвертая причина – это социальные катаклизмы: войны, в том числе мировые, революции, восстания, мятежи, которые взорвали упорядоченную и «спокойную» жизнь цивилизации.

Пятая – «взрыв» этнического самосознания народов, который привел к возникновению массы движений, борющихся за осуществление политических целей и приведший к возникновению сотен новых государств.

Все эти обстоятельства привели к развертыванию исследований по культурной проблематике. И возникновению отчетливой потребности в формировании особой науки, чьим предметом был бы феномен медиакультуры. Современная эпоха постиндустриального развития определяется разными исследователями по-разному: как «информационная», или «постмодернистская», или «глобальная». Но всем очевидно, что мы живем в мире медиа – расширяющейся системы массовых коммуникаций, «информационного взрыва». На наших глазах идет процесс формирования единого информационного пространства мира. Глобализация средств массовой информации способствует преодолению географических, экономических, духовных и прочих границ для распространения текстовой, аудиальной, визуальной, аудиовизуальной информации посредством технологических инноваций: компьютерных сетей, мобильной связи, каналов кабельного и спутникового телевидения, цифрового кино, фотографии и т.д.

Необходимо заметить, что в нашей стране культурные исследования долгое время осуществлялись в рамках господствующей марксистско-

ленинской методологии, что оказало существенное влияние на практику и результаты таких изысканий. Только в 1980-е гг. в советской науке культурология приобрела самостоятельный научный статус.

Развертывание же исследований в области медиакультуры пришлось на конец 1990-хх – начало 2000-хх гг. Впрочем, можно вспомнить таких отечественных исследователей, как Р. Якобсон, М. Бахтин, Ю. Лотман, которые занимаясь проблемами лингвистики, языкознания, семиотики создали предпосылки для исследований в сфере медиакультуры в нашей стране. Хотя, нужно отметить, что в западной научной традиции исследования в сфере медиа начали осуществляться значительно раньше. Стоит вспомнить основополагающие труды М. Маклюэна, который совершил настоящую революцию в области изучения медиакультуры, ибо он был одним из первых, кто не просто связал эти два явления: «культуру» и «медиа», но и вскрыл сущностные связи между ними и продемонстрировал какие законы и тенденции здесь существуют. Немало времени Маклюэн посвятил анализу разных систем СМИ и медиа в целом, увязав их генезис и развитие с прогрессом человеческого общества. Нельзя не вспомнить и таких крупных исследователей указанной сферы, как Т. Парсонс, А. Моль, Ю. Хабермас, П. Лазарфельд.

Таким образом, можно констатировать, что западная наука обратила пристальное внимание на данную проблематику уже в середине XX века, что, конечно же, не является случайностью. Достаточно вспомнить, что именно в середине этого века началось массовое триумфальное распространение радио и телевидения, которые оказали революционное влияние на жизнь людей. Нельзя сбрасывать со счетов и возникновения компьютерной техники и электронных технологий, появившихся опять-таки в середине XX века.

Задачи, которые стоят перед учебным курсом «медиакультура» весьма многообразны.

Во-первых, познакомить студентов с критическим объемом культурно-исторического материала в объемах, достаточных для выполнения учебных требований.

Во-вторых, способствовать личностному, образовательному и профессиональному росту студентов.

В-третьих, вооружить их инструментами понимания для успешной адаптации в любой социокультурной обстановке.

В-четвертых, данный учебный курс несет серьезный дидактический потенциал, позволяя решать кроме учебных, воспитательные задачи.

В-пятых, знакомство с системой средств массовой информации, но уже не в качестве «действующих лиц» этой системы, т.е. журналистов, а как особой подсистемы общества, решающей задачи эффективного функционирования современного социума.

Главной задачей курса является помощь в формировании активной, заинтересованной позиции студентов в их отношении к социокультурной реальности, повышения их культурного уровня, осознания себя как

достойных граждан своей страны.

Тема 1. Репрезентативная культура

Все науки, которые изучали культуру, использовали разные методы и способы её исследования. Возможно только социология, которая возникла в начале XIX века, полностью и всецело своим объектом имеет культуру. Еще начиная с Огюста Конта, которого считают родоначальником этой науки, она сосредоточивалась, прежде всего, на анализе культурных закономерностей функционирования и развития общества. Хотя сам Конт считал жизнь общества естественным и объективно закономерным процессом, он не уставал повторять, что человеческое общество – это, прежде всего, общность духа.

Конт писал о том, что идеи управляют и переворачивают мир, весь социальный механизм покоится в конце концов на мнениях. Органическое единство человечества или его части гарантируется "всеобщим согласием", зиждущимся, прежде всего, на связях морально-эмоционального характера. Социальные институты являются гарантами согласия. Таково, государство, главная задача которого - предупреждать "фатальную склонность к коренному расхождению в идеях, чувствах и интересах". Основным содержанием процесса развития общества является, по Конту, "прогресс духа". По существу это прогресс форм человеческого познания мира или, как говорил Конт, прогресс человеческого разума. Таких форм три (знаменитый контовский закон трех стадий): теологическая, метафизическая и научная. Их можно считать определяющими в общественном развитии, ибо, изменяясь сами по себе, они заставляют изменяться все прочие стороны общественной жизни. Каждому этапу развития разума соответствуют определенные формы хозяйства, политики, общественной организации. Теологическую стадию, охватывающую древнюю историю и раннее средневековье (до 1300 г.), Конт делил на три периода: фетишизм, политеизм и монотеизм. В период фетишизма люди приписывали жизнь внешним предметам и видели в них богов (позже соответствующую раннюю форму религиозности стали именовать анимизмом). При политеизме жизнью наделялись "фиктивные существа" (например, греческие и римские боги), вмешательством которых объяснялось все происходящее. Эпоха монотеизма - это христианская эпоха. Единобожие изменило все: образ мира, мораль, нравы и обычаи, хозяйство и политические учреждения. Метафизическая стадия (1300 - 1800 гг.) - стадия критической и скептической философии, для которой характерно разрушение старых верований и вообще старых порядков. Распространение наук, рост их общественного значения, повсеместное развитие ремесел и промышленности - свидетельство наступления научной или позитивной стадии развития духа, высшим выражением которой, согласно Конту, явилась его собственная

концепция "позитивизма" и ее неотъемлемая часть - закон трех стадий»¹.

Возможно не будет чрезмерной модернизацией попытаться объяснить контовские формы познания мира и их воздействие на общество, его функционирование и изменение, используя понятие репрезентативной культуры. Это понятие было введено в научный оборот Ф. Тенбруком. "Культура, - пишет современный немецкий философ Ф.Тенбрук, - является общественным фактом постольку, поскольку она является репрезентативной культурой, то есть производит идеи, значения и ценности, которые действительны в силу их фактического признания. Она охватывает все верования, представления, мировоззрения, идей и идеологии, которые воздействуют на социальное поведение, поскольку они либо активно разделяются людьми, либо пользуются пассивным признанием"². Все люди, наблюдая, рассматривая, обсуждая какие-либо явления окружающей реальности, воспринимают их как факты репрезентативной культуры. Более того, можно сказать, что все, что окружает человека: материальные вещи (объекты), духовные символы (верования), идеи, мысли и представления являются значащими для него только если они являются элементами репрезентативной культуры.

Таким образом, «будучи понятой как репрезентативная культура, культура перестает быть феноменом, пассивно "сопровождающим" общественные явления, которые при этом протекают как бы вне и помимо культуры, объективно и независимо от нее. Репрезентативная культура репрезентирует, представляет в сознании членов общества все и любые факты, которые что-либо означают для действующих индивидов. И означают они для них именно то и только то, что дано в культурной репрезентации. Только это существует для членов общества и только в этом, то есть в культурной репрезентации, и существует общество»³.

Основываясь на концепции Тенбрука, Ионин предлагает рассматривать контовские стадии развития общества (теологическая, метафизическая и научная), как последовательные формы существования репрезентативной культуры. «На теологической стадии религиозный образ мира в его многообразных конкретизациях и разветвлениях был основой социальных действий и социальных институтов именно потому, что "активно разделялся" либо "пассивно признавался" всеми членами общества. На метафизической стадии его сменил метафизический образ мира. На научной стадии идеологией (и одновременно культурой), обосновывающей общественный порядок, стала наука. Если исходить из духа понятия репрезентативной культуры, нельзя рассуждать так, что религиозное или метафизическое мировоззрение, религиозная или метафизическая идеология были ложными, неправильно отражали мир. Поскольку это мировоззрение, эта идеология репрезентирует общество в сознании его членов и, следовательно, становится основой социальных действий, то общество оказывается именно таким,

¹ Ионин Л.Г. Социология культуры. - М., 2004. - С. 67.

² Там же. - С. 68.

³ Там же. - С. 68.

каким оно репрезентировано в сознании»⁴.

Если не заниматься рефлексией и не задумываться, например, об онтологическом статусе объектов или «вечного» вопроса происхождения тех или иных вещей или предметов, чем занимаются люди науки, то для обычного человека все то, что составляет мир культуры, являет собой структуры повседневности. Они просто окружают человека, находятся рядом с ним, можно даже сказать, что люди погружены, «растворены» в этой повседневности. Естественно, что человек, который специально не задался целью тематизировать эти структуры, т.е. сделать их объектом анализа, воспринимает их «естественным» образом.

И главной характеристикой этих «структур повседневности» или, иными словами, мира культуры, является «существование». Пребывание их в окружении человека. Совершенно справедливо, что воспринимая это таким образом, люди ощущают мир культуры как что-то подобное миру природы. Статус объектов того и другого мира видится одинаковым, эквивалентным.

Отсюда и другая закономерность: в сознании человека объекты культуры также противопоставлены фигуре человека, как и объекты природы. Хотя, как известно, все «предметы» и явления культуры теснейшим образом связаны с человеком, ибо это следствие способа жизни *homo sapiens*.

Еще одна закономерность: люди по большей части вообще не замечают «структур повседневности». Поэтому культура пребывает «невидимой». Человек «открывает» для себя культуру только тогда, когда он встает на путь самопознания и рефлексии, т.е. в античности.

Еще одним следствием этого положения становится то, что ставя вопрос об истине, например, является ли культура истинной, то есть сутью жизни человека, или ложной, т.е. иллюзией его жизни, мы с неизбежностью приходим к однозначному ответу. Ионин Л.Г. говорит, «культура не может быть ложной, она просто есть. Может возникнуть естественный вопрос: как репрезентативная культура относится к обществу, то есть к социальной структуре, институтам, системам статусов, понимаемым как жесткие объективные образования, которые (и это мы видим ежедневно) вовсе не регулируются "мнениями", как то полагал Конт, но, наоборот, служат рамками, принудительно регулирующими отношения между людьми? Ответ на этот вопрос будет таким: все эти жесткие социальные факты при всей своей очевидной жесткости являются именно фактами репрезентативной культуры, ибо они есть производное от идей, которые "действительны в силу их фактического признания". Они, эти идеи (снова процитируем Тенбрука) "воздействуют на социальное поведение, поскольку они либо активно разделяются (то есть подкрепляются конформным поведением), либо пользуются пассивным признанием"⁵. Понятно, что если мы будем исходить из этого, то можно сделать вывод, что все эти жесткие социальные факты являются не чем иным, как фактами культуры.

⁴ Ионин Л.Г. Социология культуры. – М., 2004. – С. 68.

⁵ Там же. – С. 69.

Отталкиваясь от понятия «репрезентативная культура» мы можем не разделять жестко общество и культуру, как это частенько происходит при некритическом подходе, особенно, когда мы противопоставляем «вещи» природы и «вещи» культуры. Взгляд на культуру и взгляд на социум - это просто два разных аспекта видения одного и того же феномена. В любом явлении или предмете, с которым мы сталкиваемся абсолютно невозможно четко выделить «культурное» и «социальное». Они решительно переплетены друг с другом, образуя сплав наподобие бронзы, где невозможно вычлениить ее составные ингредиенты без утери единого целого. Хотя совершенно понятно, что именно культура является тем силовым полем, под воздействием которого происходят изменения и трансформация этих жестких структур.

«В общественном развитии культура первична; на каждом этапе развитие культуры связано с борьбой идей, то есть с выдвижением альтернатив, их обсуждением и активной поддержкой, либо с пассивным признанием одной из них в качестве объективно правильной. Став фактически действенной, эта альтернатива через посредство поведения, ориентированного на ее поддержку, превращается из объективно правильной в просто объективную, то есть в жесткий социальный факт, не переставая при этом быть фактом культуры»⁶.

Еще Конт понимал, что социальное, хотя и являет собой «факт», т.е. что-то на манер «вещи», своим источником имеет взгляды, убеждения, верования, мнения, изменение которых влечет за собой изменения во всех сферах общественной жизни. Однако нельзя в этом плане подходить излишне прямолинейно, т.е. утверждать, что любые мнения, верования и идеи производят такие пертурбации. Главное здесь мнения, так сказать, агентов изменений. Тенбрук называет их интеллектуалами или культурными экспертами. Ионин пишет: «Каждое общество и каждая историческая эпоха выдвигает своих культурных экспертов. Так, в "примитивных" обществах культурные эксперты - это колдуны, маги, шаманы; на теологической стадии (следуя терминологии Конта) - жрецы, священники, богословы, на метафизической стадии - критические и скептические философы, на научной стадии - ученые. Но всегда это - идеологи, функция которых состоит в изменении господствующих мнений и, следовательно, в изменении общества»⁷. В этой интерпретации, которая использует понятие репрезентативной культуры, Конт правда несколько модернизирован. Культурная интерпретация не предполагает меру истинности познания общества его членами. Культура не может быть истинной или ложной, она просто есть! Все что находится в репрезентации, обладает свойством «существования» или как говорят логики «квантором существования». Конт же, как известно, называл ранние стадии развития человеческого духа

---

⁶ Ионин Л.Г. Социология культуры. - М., 2004. - С. 69.

⁷ Там же. - С. 70.

"фиктивными", ибо думал, что истинное познание общественной жизни достигается на позитивной, научной стадии (и, считая, что воплощением этой истины является его собственная философско-социологическая концепция).

Кроме того, в культурной интерпретации неуместно понятие нравственного прогресса, что очевидно. Ибо сама категория «нравственный прогресс» является не чем иным, как конструктом сознания ученых. Да еще и не вполне однозначная. Ведь еще в XVIII веке, когда дебатировался вопрос о возможности прогресса, Ж.Ж. Руссо в своем сочинении для Дижонской академии утверждал, что прогресс материальный бесспорно существует, что доказывают эмпирические наблюдения, но «морального прогресса» нет, что тоже доказывают те же самые эмпирические аргументы. Действительно, поскольку между обществом и его моралью существует взаимно однозначное соответствие, то и выносить суждение о морали предшествующих культур - значит судить о них по критериям, которые им чужды. Конт был наблюдательным человеком, поэтому в его системе прогресс нравственности сопровождает познавательный прогресс. Эти различия далеко не второстепенны. Они свидетельствуют о том, что система Конта содержит одновременно две тенденции: объективистскую, связанную с идеей прогресса социального познания, а поэтому разделяющую общество и культуру, и культурно-аналитическую, которую мы попытались рассмотреть, привлекая понятие репрезентативной культуры. Надо сказать, что дальнейшее развитие социологии, уже после Конта, говорит о том, что намеченные тенденции объективизма и культурно-аналитическая присутствуют постоянно, хотя и не всегда в подчеркнута радикальной форме.

«Всеобщей практической идеологией социологии и других социальных наук постепенно стал объективизм, согласно которому общество состоит именно из жестких объективных фактов; в соответствии с этой идеологией общество, его системы и структуры всегда налицо, они всегда есть вне и независимо от идей, убеждений, мировоззрений, представлений индивидов, составляющих это общество. Но в то же время в социологии постоянно была сильна культурно-аналитическая тенденция, отчетливо проявлявшаяся в трудах классиков этой науки - Макса Вебера, Георга Зиммеля, отчасти Эмиля Дюркгейма. Заметим, что несмотря на его принципиальную установку на научность социологии и требование рассматривать социальные факты как вещи, то есть как внешние по отношению к человеку и объективные явления, Дюркгейм признавал существование общества как совокупности фактов сознания. По его мнению, эти факты сознания суть специфические представления, которые, хотя и побуждены внешней, социальной реальностью, воспринимаются людьми как их собственные, принадлежащие их сознанию. При этом они не произвольны и не различны от индивида к индивиду, а имеют свойство обязательности и принудительности. Дюркгейм называл их коллективными представлениями (*representations collectives*), и именно из идеи коллективных представлений родились его вошедшие во всеобщее наследие социальной мысли концепции общественной солидарности, аномии, учение об общественном происхождении морали и

религии. Но, подчеркнем, Дюркгейм оставался при этом на объективистской и натуралистической позиции. Для него общество - вещь, а социальные факты состоят в строго детерминистской функциональной взаимосвязи и эволюционируют по собственным законам.

Совсем на другом подходе основывался Макс Вебер в своей конструкции социологии. Ее опора - культурологический фундамент, то есть специфика человека как культурного существа. Для Вебера особенность социального поведения заключается не в том, что оно регулируется "извне", будь то вне его самого лежащие факторы общественной природы или неосознаваемые им самим инстинкты. Специфичность социального поведения - и в этом отличие человека от животных - состоит в наличии в нем субъективно подразумеваемого смысла»⁸. "Действием, - пишет Вебер, - мы называем действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится ли к невмешательству или терпеливому приятию), если и поскольку действующий индивид (или индивиды) связывают с ним субъективный смысл. Социальным мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом (или действующими лицами) смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него"⁹. Именно потому, что определяющим свойством социального является субъективный смысл, который доступен пониманию, Вебер называет свою социологию понимающей. Объекты понимающей социологии имеют отношение к совершенно иным сферам бытия, по сравнению с дюркгеймовскими социальными фактами как вещами или обществом в духе Конта как объективного «предмета». Они имеют особый характер, поскольку произведены сознательно, опосредованы определенным мотивом или намерением. Другими словами, пишет Ионин «между действием как эмпирическим фактом и его эмпирической средой имеется "прокладка" субъективного смысла, субъективной интерпретации, истолкования и понимания эмпирической реальности действия. Эта "прокладка" и есть главный конституирующий фактор социального. Если это так, то социология, которая видится Макс Веберу, не может стоять в одном ряду, как это думал Конт, с физикой, биологией и другими естественнонаучными дисциплинами. Она не может, как это считал Дюркгейм, исходить из предпосылки объективности социальных явлений. Ее задача - объяснить саму эту объективность, показать, как она возникает и формируется из действий, субъективно ориентированных по своей природе. Но тогда меняется и само понимание человеческого общества: его уже не следует рассматривать как продолжение природы, как объективную реальность, подобную той реальности, которую изучают естественные науки. Оно, общество - продукт человеческих действий, искусственное, созданное людьми явление, то есть, иначе говоря, культурный продукт»¹⁰.

⁸ Ионин Л.Г. Социология культуры. - М., 2004. - С. 70.

⁹ Вебер М. Избранные произведения. - М., - С 602.

¹⁰ Ионин Л.Г. Социология культуры. - М., 2004. - С. 77.

Отсюда к изучению общества нужно подходить совершенно определенным образом, а именно как к объекту культуры. Для изучения любого культурного явления можно использовать разные методы. Например, естественнонаучные, что делали ученые, начиная с эпохи античной науки. Но можно применять культурно-аналитические, которые идеально соответствуют своему объекту. Именно это и хотел М. Вебер, создавая «понимающую» социологию, по сути один из методов, можно даже утверждать, что ведущий метод из арсенала культурно-аналитической парадигмы познания. Хотя в свое время Дюркгейм, полемизируя с Вебером и его соратниками, настаивал, что естественнонаучные методы нужно использовать при анализе любого культурного продукта - от художественного произведения до технического устройства. Это было неслучайно, ибо Дюркгейм был решительным сторонником объективистского подхода и считал, что социология является такой же наукой, как математика, физика или биология, а значит должна стоять на той же методологической парадигме, используя те же методы, что и «настоящая наука». Правда, в таком случае, и это ускользало из поля зрения того же Дюркгейма, используя естественнонаучные методы при анализе культурных феноменов, мы оказываемся не в состоянии вскрыть подлинного смысла этих феноменов как именно культурных феноменов. Музыкальный разбор оперы или симфонии или же физико-химический анализ красок на полотне при всей их тонкости и изощренности не дадут представления о культурном смысле музыки или картины. То же можно сказать и о технике: военный самолет и пассажирский устроены примерно одинаково, но выполняют совершенно различные культурные функции. Урбанистика позволит сказать, что представляет город с архитектурной или транспортной точки зрения, но абсолютно не откроет культурного значения города. Нужно сказать, что даже чисто природные по своему происхождению явления и объекты, попадая в сферу социального действия, то есть в сферу культуры, обретают качества, не уловимые с помощью естественнонаучных методов. В качестве примера, можно привести такую аргументацию Ионина: «Ясно, что ни ботаника, ни география, ни почвоведение, ни какая-то другая наука не сможет объяснить, чем отличается лес как приют покоя и одиночества от леса как объекта хозяйственного использования. Здесь речь идет о культурной функции леса. Точно так следует рассуждать и относительно социологии. При однозначно объективистском подходе к социологии утрачивается специфически культурный смысл человеческого общества, так как в этом случае оно может отождествляться с социальными объектами, изучаемыми биологическими науками: сообществами животных, которые иногда достигают огромной степени сложности, как, например, муравейники, поселения термитов и т.п. С этой целью можно применять системный подход, функциональный анализ, изучать эволюцию животных сообществ и т.д., то есть применять методы и подходы, рекомендуемые сторонниками изучения общества как

естественного явления. Но такой подход неизбежно ограничен и вынуждает своих сторонников всегда подходить к изучаемым проблемам дуалистически, то есть вводить два ряда факторов: естественные и культурные, объективные и субъективные. Так, по Конту, общество, с одной стороны, объективная реальность, вещь, система, эволюционирующая по собственным законам, а с другой - продукт эмоций, идей, мнений. В социологии у Дюркгейма социальные факты одновременно и вещи, и коллективные представления, факты психической реальности»¹¹.

Вебер как исходную предпосылку социологии использует положение о том, что человек - культурное существо, и на основе именно этой предпосылки пытается построить здание объективной социологии. По Веберу, наряду с понятием субъективного смысла действия предметом социологического анализа является все многообразие идей, мнений, убеждений, представлений, образов мира, составляющих в совокупности то, что было названо репрезентативной культурой. Именно то, что содержится в репрезентативной культуре, составляет актуально или в потенции содержание человеческой мотивации, то есть подразумеваемого смысла действий. В мотивации просто-напросто не может быть того, что отсутствует в культуре. Соответственно то, чего нет в культуре, не может стать предметом социологического изучения. Например, по словам Вебера, просто реактивные действия не являются предметом интереса социологов так же, как вообще действия, даже если они связаны с взаимодействием нескольких участников, но не имеют "подразумеваемого смысла". "Столкновение двух велосипедистов, например, не более чем происшествие, подобное явлению природы. Однако попытка кого-нибудь из них избежать этого столкновения, последовавшая за столкновением брань, потасовка или мирное урегулирование конфликта является уже социальным действием"¹². Как можно классифицировать действие и субъективный смысл стоящий за ним?

В веберовском анализе мотивов социальных действий учитываются все типы человеческой мотивации и два из них выделяются как собственно культурные. "Социальное действие» может быть:

1. Целерациональным, если в основе его лежит ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и использование этого ожидания в качестве "условий" или "средств" достижения своей рационально поставленной и продуманной цели;

2. Ценностно рациональным, основанным на вере в безусловную - эстетическую, религиозную или любую другую - «самодовлеющую» ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет;

3. Аффективным, прежде всего эмоциональным, то есть обусловленным

¹¹ Ионин Л.Г. Социология культуры. - М., 2004. - С. 70.

¹² Вебер М. Избранные произведения. - М. - С. 628.

аффектами или эмоциональным состоянием индивида;

4. Традиционным – «основанным на длительной привычке»¹³.

Традиционное действие представляет собой пограничный случай между "осмысленно" ориентированным и чисто реактивным действием: как чисто реактивное оно не является социальным действием; как осмысленное оно тяготеет к ценностно-рациональному типу. То же можно сказать об аффективном действии: оно может быть просто эмоциональной реакцией на раздражение. Если же действие, обусловленное аффектом, находит выражение в «сознательной» эмоциональной разрядке, то следует говорить о сублимации; тогда это действие близко либо к первому, либо ко второму типу и относится к разряду культурно мотивируемых действий.

Вслед за Вебером рассмотрим шаги построения социологии не "сверху" - от объективной данности общества как системы, а "снизу" - от субъективно осмысленных, то есть культурно детерминированных человеческих действий.

«Следующая (за социальным действием) ступень – «социальные отношения». «Социальным отношением должно называться поведение нескольких людей, каждый из которых соотносит свои действия с действиями остальных и ориентируется на эту соотнесенность. Следовательно, социальное отношение полностью и исключительно определяется возможностью того, что социальное поведение будет носить доступный осмысленному обсуждению характер»¹⁴.

Содержательно социальное отношение может быть каким угодно: борьба, вражда, любовь, дружба, уважение, рыночный обмен, выполнение соглашения или уклонение от него, соперничество экономического, эротического или иного характера, национальная или классовая общность; социальное отношение может быть кратковременным или долговременным, составлять основу таких социальных образований, как государство, церковь, семья. В любом случае в его основе лежит осмысленное и доступное осмысленному определению поведение нескольких людей по отношению друг к другу. В случае долговременных и сложных по своей организации социальных отношений при условии ориентации именно не на конкретность действий других людей, а на "взаимную соотнесенность" всех этих действий отношение приобретает некую "в себе" существующую целостность, которая как бы не зависит от конкретных деятелей, то есть приобретает качество объективности. Важно показать, что веберовская социология не просто основывается на предпосылке о человеке как культурном существе, то есть о существе, сознательно организующем свое поведение и среду своей деятельности. Здесь найдены средства последовательно реализовать эту предпосылку, проследив, как на основе субъективных смыслов происходит "становление" социальной объективности, которую делают сами люди, и в этом смысле она является человеческим, то есть культурным, продуктом.

¹³ Вебер М. Избранные произведения. – М. – С. 628.

¹⁴ Ионин Л.Г. Социология культуры. - М., 2004. - С. 73.

Тем не менее, ориентирующуюся на человеческую субъективность веберовскую социологию нельзя назвать гуманитарной дисциплиной в традиционном понимании, как, например, историю, которая изучает индивидуальные обладающие культурной значимостью действия, институты и т.п. «Социология как генерализирующая наука оперирует типическими явлениями, фактами, личностями, которые в ходе социологического образования понятий освобождаются от индивидуального содержания, но при этом социологические абстракции - типы - не оторваны от субъективного смысла реальных человеческих действий»¹⁵.

По Веберу, они должны «удовлетворять требованию смысловой адекватности, причем адекватной смыслу он называет такую типическую конструкцию, в которой соотношение между ее компонентами представляется с позиций нашего привычного мышления и эмоционального восприятия типичным (мы обычно говорим: правильным) смысловым единством»¹⁶. Смысловая адекватность - главный критерий социологического понимания. Но это, конечно, не полное и не точное воспроизведение индивидуальной мотивации. Социологические типы дают "очищенный" по сравнению с мотивацией реального поведения смысл человеческих действий. В реальности этот смысл часто неосознан до конца или полуосознан, или не отделен от побочных соображений, не играющих роли в данном конкретном действии. Социологические типы дают его "чистый" смысл. Поэтому Вебер называл их "чистыми" или «идеальными типами». Именно такая культурно нагруженная методология стала основой веберовского культурного анализа. Вебер, будучи ученым энциклопедической широты интересов, работал в различных научных областях: в социальной и экономической истории, в социологии и философии религии, в актуальной политике, экономике, философии социальных наук. Но буквально во всех его работах присутствовал общий мотив - причины и формы всемирно-исторического воздействия капитализма.

«Понимающая социология Макса Вебера стала родоначальницей целой традиции в социологическом мышлении, которую можно назвать традицией понимающей социологии. Вообще, если "очистить" социологические концепции, составляющие историю этой дисциплины, от многочисленных и многообразных наслоений, тончайших деталей, оговорок и уточнений, взаимных заимствований и выделить фундаментальные умозрения, лежащие в основе той или иной концепции, то все многообразие их явлений можно свести к двум направлениям: «объективистскому», якобы естественнонаучному, с одной стороны, и «культурно-аналитическому» - с другой. Их главное различие заключается в том, что в первом социальные явления - структуры, институты рассматриваются как объективные "вещи" (в этом смысле основоположником данного направления является Эмиль Дюркгейм), не зависящие от идей и мнений членов общества, в то время как

---

¹⁵ Ионин Л.Г. Социология культуры. - М., 2004. - С. 74.

¹⁶ Вебер М. Хозяйство и общество. Тюбинген. - С. 13.

во втором те же явления трактуются как существующие исключительно посредством этих самых идей и мнений. При этом сторонники обоих направлений анализируют одни и те же явления, в которых живет и действует нормальный общественный человек. Вследствие указанных различий представители первого направления занимают позиции "нормального общественного человека", того, кого в социологии называют "человеком с улицы" (кого можно было бы назвать первым встречным), принимая в принципе, его взгляд и его восприятие объективности общественных явлений, а представители второго направления стремятся заглянуть за эту видимую объективность и понять, почему нормальный общественный человек воспринимает эти явления как объективные, хотя на самом деле они объективны и принудительны лишь в той мере, в какой люди в них верят и подтверждают эту веру своими действиями. Иными словами, объективист рассматривает социальный мир таким, каким он является, и исследует закономерности взаимодействия структур и элементов в этом мире, тогда как культурный аналитик "заглядывает за подкладку" и хочет понять устройство "ткани" этого мира, понять почему "с лица" он кажется объективным, то есть несделанным и не зависящим от человека, его идей и мнений. Объективист принимает объективность социального мира на веру, культурный аналитик (или понимающий социолог, что в данном контексте одно и то же) исследует эту объективность и только тогда, когда понята природа этой объективности, совсем не такой, как объективность естественных явлений, он может перейти к анализу самих социальных фактов. При этом и сами факты он воспринимает иначе, чем объективист: они являются для него артефактами в любом смысле этого слова. Это различие исследовательских направлений не всегда прямо осознаваемо в конкретных социологических концепциях, однако носит достаточно принципиальный характер. Оно присутствует во всей истории наук об обществе с их возникновения и детально рассматривается такой дисциплиной, как философия общественных наук. Это различие стало основой различных классификаций наук, в которых в качестве специфической отрасли знания выделяются науки о духе или науки о культуре, противопоставляемые наукам о природе. И в настоящее время, стремясь разграничить гуманитарные и социальные науки, мы также вряд ли сумеем обойтись без рассмотрения этого различия.

Повторим, что в социологии оно фиксируется как различие позитивистского натурализма и объективизма, с одной стороны, и понимающего, культурно-аналитического подхода - с другой. Конечно, следует отметить определенную условность этого различия. Если говорить о конкретных социологических концепциях (а не об их философском обосновании), к культурно-аналитическому направлению можно отнести концепции так называемых символического интеракционизма и социальной феноменологии»¹⁷.

---

¹⁷ Ионин Л.Г. Социология культуры. - М., 2004. - С. 85-87.

Контрольные вопросы к Теме 1

1. Как можно объяснить смысл понятия «репрезентативная культура»?
2. Как «репрезентативная культура» относится к обществу?
3. Объективизм и «понимающая социология» как две тенденции в развитии социальных наук.
4. Методы познания «наук о природе» и «наук о духе».
5. Макс Вебер как создатель «понимающей социологии» и методологии культурно-аналитического подхода.

Тема 2. Методологические аспекты медиагенезиса

Живые существа представляют собой предмет биологии, линии и поверхности — предмет геометрии, атмосферные явления — предмет метеорологии. На первый взгляд каждая дисциплина характеризуется своим предметом, и тогда возникает искушение сказать: «Медиакультура есть изучение медиа и культуры в их взаимосвязи». Это, было бы грубой ошибкой. Как справедливо напомнил нам недавно историк техники Андре-Жорж Одрикур, что в действительности конкретную науку характеризует точка зрения, а не предмет. Например, вот стол. Его можно изучать с физической точки зрения, можно изучать его вес, плотность, сопротивление давлению; с химической точки зрения — возможности его сгорания на огне или растворения в кислотах; с биологической точки зрения — возраст и породу дерева, из которого изготовлена древесина; наконец, с точки зрения гуманитарных наук, происхождение и функционирование стола для людей.

Если мы рассмотрим обширный спектр «гуманитарных наук», то увидим, что каждая из них вошла в человеческий род своим путем и тем самым каждый индивид с течением времени получает несколько «удостоверений личности», в зависимости от планов среза. Каждая дисциплина вычерчивает на одном и том же антропологическом фоне ярко выраженную и привилегированную фигуру, референцию в новом разрезе. Это «сечение» объективного реального раз за разом черпает всё новые темы из человека, тем не менее, остающегося уникальным, глобальным и цельным. Ибо назначение теоретической работы — разъединять то, что смешивает практика. После двух столетий усилий мы уже достаточно хорошо знаем человека говорящего (лингвистика), желающего (психоанализ), производящего (экономика), входящего в группы (социология), рассчитывающего (когнитивные науки); управляющего или управляемого (политические науки), учащегося или преподающего (педагогические науки) и т.д. А с какой «темой» имеет дело медиология? Не исключая того, что называют «коммуникацией», она более конкретным образом интересуется человеком передающим. Поскольку этого последнего мы знаем гораздо меньше, чем ранее перечисленных, нам необходимо сделать чуть более оригинальное или «смещенное» усилие по отношению к предыдущим точкам

зрения.

«Оригинальное» не означает ни «чуждое», ни «исключительное». Угол зрения, предполагаемый передачей относительно человеческой реальности, очевидно, не является исчерпывающим (сводящим все прочие виды поведения к состоянию эпифеноменов, обладающих некоей изначальной сущностью — как в других науках слово, желание, труд и т.д.). Не является он и дизъюнктивным, т.е. требующим от каждого наблюдаемого качества, чтобы оно принадлежало либо к своему плану, либо к какому-нибудь другому (при невозможности перескакивания и смешения). Одна и та же реальность может изучаться согласно сразу и отдельным друг от друга, и совместимыми планами.

Тот или иной естественный язык, к примеру, может анализироваться как средство коммуникации, позволяющее живым собеседникам способствовать их взаимопониманию. Но у этого языка есть еще и функция передачи, которую берет на себя, в особенности, его графика (латинский и кириллический алфавиты, китайские идеограммы, корейский хангыль и т.д.), в том, что, конденсируя коллективную память той или иной исторической группы, она увековечивает некую «базовую идентичность», общую всем, кто использует родной язык — систему значений, позволяющую определенной группе живых почувствовать общность сопринадлежности с мертвыми, принадлежавшими той же группе. В первом случае в качестве материала — синхроническим образом — берутся интеракции между индивидами; во втором, с диахронической точки зрения, интеракции между поколениями. Но речь всегда будет идти об одном и том же языке.

Термин «коммуникация» изведаль в наши дни чрезвычайно счастливую судьбу (по причинам, которые мы рассмотрим впоследствии). Чтобы добраться до континента «передачи», который невидим невооруженным глазом и, подобно всем оперативным понятиям, не может быть познан «просто так» из непосредственного опыта, нам необходимо преодолеть горизонт «коммуникации». Несмотря на то, что он нам хорошо знаком, и, несмотря на его права благородства, или, скорее, из-за них, это будет нашим первым «эпистемологическим препятствием». Такое преодоление уже не будет забвением или небрежением. Оно примет форму интеграции в более сложное целое. Коммуникация представляет собой момент более длительного процесса и фрагмент более обширного множества, которые мы - по договоренности — назовем передачей (трансмиссией). Всякое распределение дисциплин имеет в виду - в качестве первого шага - некоторые терминологические решения.

К термину «передача» мы отнесем все, что имеет отношение к динамике коллективной памяти, а к термину «коммуникация» — обращение сообщений в некий заданный момент. Или же, углубляя противоположность, мы скажем, что коммуникация состоит в переносе информации в пространстве в пределах одной и той же пространственно-временной сферы, а передача - в переносе информации во времени, между различными

пространственно-временными сферами. Коммуникация имеет определенный социологический горизонт, а в качестве «стартового трамплина» - межиндивидуальную психологию (между отправителем и получателем, в том первоначальном опыте, который образуется через акт беседы). Передача же имеет горизонт исторический, а в качестве стартовой позиции - некое техническое осуществление (перформанс) (с использованием материального носителя).

В первом случае, через соотнесение известного «здесь» с известным «в другом месте», мы образуем связь (а значит часть общества); во втором, через соотнесение «когда-то» с «теперь», мы получаем непрерывность (а значит культуру). Психоаналитики и социологи не могут не интересоваться темой коммуникации (и науками о ней), функционированием медиа и возбуждаемыми ими аффектами. Историки и антропологи не могут не интересоваться тем, что делает — или разбирает — вереница поколений (посредством логической реорганизации хорошо знакомых понятий, продвигаемых от состояния туманности к состоянию созвездия). Отсюда и здесь, и там возникают различные (устные и письменные) разновидности соседства и сродства.

Эти различия могут казаться искусственными и произвольными, и нам справедливо заметят, что для того чтобы передавать, сначала необходимо осуществлять коммуникацию. Если бы Иисус из Назарета не осуществлял коммуникацию со своим окружением, не беседовал с учениками, не ораторствовал перед толпами, то христианская Церковь никогда не смогла бы обеспечить передачу послания евангельской вести через эпохи и континенты. Это очевидно, но существуют нарушения непрерывности между двумя порядками феноменов; даже если бы эти феномены могли как бы следовать друг за другом (а мы увидим, почему эту очевидность можно в очередной раз подвергнуть сомнению), они требуют понятийных аппаратов, которые могут переходить из одной сферы в другую, но не сливаются.

Аналогично этому, возникает соблазн (хотя и напрасный) свести бином передача/коммуникация к другому биному: публичное вещание/межличностный обмен (между собеседниками, телефонными абонентами или авторами писем). Однако чтобы получить феномен передачи, недостаточно продлевать линии связи (настраивая отправителя на получателя), усложнять сети этих линий (однонаправленные, двунаправленные, множественные), индустриализовать их каналы (печать, радио, телевидение). Верно, скорее, обратное. Критерий состоит не в наличии или отсутствии машинного интерфейса между человеком и человеком, но, наоборот, в наличии или отсутствии интерфейса институционального. Могут существовать (их все больше и больше), согласно заглавию работы Пьера Шеффера, «машины для коммуникации» (электрический телеграф, телевизор, компьютер). Но не может быть, и никогда не было машины для передачи. Передача представляет собой коммуникацию, оптимизированную посредством тела, индивидуального и коллективного — в двояком смысле «сие есть тело мое» и «крупные

корпорации». Если коммуникация бывает непосредственная, прямая, радующаяся собственной брэнности, то передача не является ни непосредственной, ни безличной. Это могут быть межличностные отношения (между отцом и сыном, преподавателем и студентом, священником и верующим, мастером и подмастерьем и т.д.), технически оснащенные, но технический интерфейс не является достаточным условием. Затем существуют акты коммуникации; коммуникация всегда представляет собой процесс, имеет форму процессии (по-гречески *paradosis*, что переводится как «традиция»). Если традиция работает с поколением, с биологическим фактом того, что в обществах существуют дети и взрослые, то передача начинается с воспитания (отец-сын, наставник-адепт, преподаватель-ученик, мастер-подмастерье). Она не останавливается. Как бы там ни было, она разворачивается во времени, согласно обязанностям, определенным иерархиям и протоколам, проходя по этапам или ступеням, как упорядоченное наследование — как это происходит в высших формах традиции, образуемых ритуалами кооптации, принятия в ученики, вступления куда-либо или усыновления (последователь, духовный сын, душеприказчик и т.д.).

Валерии П. говорил, что величайшим триумфом человека (и некоторых других биологических видов) над вещами является то, что он сумел перенести на завтра последствия и плоды вчерашних трудов. Человечество очень медленно возвысилось над кучей того, что длится.

«Поддержание пути» или расчистка длительности, не бывает ни без самоотречения, ни без горестей. Не бывает линии духовного наследия без некоего корпуса ограничений — путеводной нити, ведущей через поколения и относящейся к тому или иному институту. Последний необходимо понимать как генеалогический аппарат — в двойном смысле: психического аппарата (ментально соотносящего индивида с группой, к которой он принадлежит, учитывая всяческие неврозы, которые могут от этого возникнуть) и аппарата юридического (фиксирующего правовые правила, руководящие всякими отношениями родственной связи или преемственности, учитывая злоупотребления, которые могут от этого произойти). Увековечивание идей, верований и знаний не может происходить без социального вектора, роль которого состоит не только в гарантии аутентичности, но и в «аффективном согласовании».

Узы коммунитарной филиации способствуют возникновению места воображаемой идентификации (Церковь, Партия, Семья, Компания и т.д.), и нам неизвестна лично принятая генеалогия, которая не пользовалась бы неким мифом или историческим романом — эквивалентом романа семейного (большое или малое повествование). Так складывается легитимность ценностей или правомерность содержания и лояльность людей или их верность передатчику традиции.

Идея того, что можно обеспечить (культурную) передачу с помощью (технических) средств коммуникации, образует одну из наиболее типичных иллюзий «коммуникативного общества», свойственной эпохе модерна, все

лучше оснащаемой для завоевания пространства, и все хуже — для покорения времени (остается узнать, может ли какая-нибудь эпоха покорить сразу оба или же все культуры обречены предпочитать одно или другое). Оставляя в стороне этот философский вопрос, мы удовольствуемся тем, что отметим объективные причины сегодняшнего упоения коммуникацией, которая, несомненно, будет господствовать в начинающемся столетии. Изобличаем ли мы ее мистификации или превозносим возможности, порицаем или хвалим — коммуникация как суеверие образуется от информационного взрыва. Парк наших машин нас восхищает, совокупность наших институтов нам докучает, и притом потому, что первый на всем скаку обновляется, а вторая более или менее самостождественно воспроизводится. Чтобы покорить пространство, достаточно некоего двигателя. Чтобы покорить время, необходима движущая причина плюс мотор во всех смыслах слова, или же материальная или формальная машина (как алфавитное письмо), плюс социальный институт (школа, например, этот вектор книжной культуры, и даже сплошь и рядом — ее последнее пристанище).

Поскольку индустрия, пользующаяся стремительным усовершенствованием коммуникации, опережает по скорости институты, пользующиеся медленным темпом передачи, новая география сосредоточивает внимание на сетях, убирая на второй план становящиеся все мельче и все более хрупкими звенья в цепи творческой непрерывности. Вездесущие массмедиа (глобализация) дисквалифицируют в той или иной степени выдохшиеся и историчные медиа. Первые перераспределили отношения между здесь и в другом месте гораздо более ощутимо и явно, нежели отношения между до и после. Отсюда привилегия, спонтанно жалуемая общественным сознанием средствам укрощения пространства по сравнению со средствами укрощения времени. Неоднократно отмечали: территория наша расширяется, а календарь сужается; оптический горизонт отступает, глубина времени растушевывается; и по Интернету мы плаваем легче, нежели по хронологии.

Иными словами, в годы, когда весь земной шар может одновременно смотреть по телевизору Чемпионат мира по футболу (синхрония), Расин, Пушкин или Страсти Христовы становятся мертвой буквой для среднестатистических школьников (диахрония). Обладание общим прошлым постепенно становится все более затруднительным — как раз по мере облегчения общим владением информацией. Расширение зон мобильности и сужение поля исторического сознания; укрепление технических связей и ослабление символических уз: все более вопиющий разрыв между средствами, посвященными архипелагу Коммуникации и континенту Передачи (и связанным с ними престижем), происходит от вызванного технологическим ускорением неравновесия между двумя гранями — материальной и институциональной — одного и того же диспозитива, занимающегося с начала исторических времен переносом символических благ; между ОМ (обрабатываемой материей) и МО (материализованной организацией). В инверсии целого и части или в подчинении длительного

эфемерному, можно видеть признак подлинного кризиса цивилизации, а это официальное имя кризисов передачи, причем сегодняшняя дестабилизация школьных программ телепрограммами является сразу и симптомом, и символом этого кризиса.

Контрольные вопросы к Теме 2

1. Методы и принципы изучения медиакультуры.
2. Понятие «коммуникация». Каковы главные характеристики данного явления?
3. Термин «передача». Перечислите основные характерные свойства этого феномена.
4. Что мы можем относить к «машинам для коммуникации»?
5. Почему не может быть «машин для передачи»? Обоснуйте свой ответ.

Тема 3. Структуры медиа

Возьмем осязаемый пример: библиотеку. Под этим словом («книжный шкаф») мы понимаем некий запас написанных знаков, сложенный для хранения и консультаций в форме книг и другой печатной продукции в специализированном здании. Такая физическая концентрация образует запасы памяти, внешнее средство внутренней передачи. Это инертноеместилище не только обладает призванием хранить наследие веков, но и самим своим существованием способствует оставлению новых подобных следов, служа матрицей для образованного сообщества с его собственными ритуалами (экзегеза, перевод, компиляция и т.д.).

Библиотека порождает писателей подобно тому, как кинотека — кинематографистов. Этот учреждающий локус был в прошлом институирован неким суверенным, чисто политическим актом. Образованный мир не является самодостаточным (трансляция власти и знания). Великие библиотеки отсылают к эпонимичному имени через некий локус. Так, Александрийская библиотека отсылает к Александру Македонскому. За Гомером (позднее собрание так называемых гомеровских следов) стоял Писистрат. За Конфуцием — империя Хань. За Пергамской библиотекой — Атталиды. За Багдадской — Аль-Мансур. В СССР главная библиотека была связана с именем В.И. Ленина. А Национальная библиотека Франции носит имя Франсуа Миттерана. Нет библиотеки, которая не была бы королевской, халифской, папской, княжеской, сенатской, парламентской или президентской, институтской, орденской или университетской. То, что общение между учеными поощряется и производится библиотекой, не может скрыть институциональной аналогии этого инструмента как продолжения и дополнения для некоего организованного сообщества (способного пережить

своего основателя). И безразлично, идет ли речь о той или иной школе мысли, вроде лица Аристотеля, об ассоциации частного права (в Древней Греции не было публичных библиотек); идет ли речь о Церкви или о монашеском сообществе, о колледже или об университете; о должным образом очерченной и упорядоченной академической или просвещенной (как в эпоху Ренессанса) среде. Вот где опора опоры — невидимый оператор передачи, по отношению к которой библиотека служит зримым медиумом, но не двигателем.

Точнее говоря, именно подобное институированное сообщество преобразует хранилище в вектор, совершая при этом собственное увековечение (Школа, Церковь, Строй, Нация и т.д.). Его библиотека будет «протезом», необходимым для его воспроизведения, но средство переноса здесь — не самодвижущееся; речь не идет о том, что сущность этого сообщества мобилизуется какими-то предварительными органическими требованиями. Ведь нельзя утверждать, что кладовая для провизии сама обеспечивает питание. Содержащаяся в книгах внешняя память обретает силу только из внутренней памяти некоей группы. Кладовая памяти напоминает памятники: она может служить для того, чтобы отложить нашу память в сторону, чтобы с громадными расходами торжественно ее увековечить — дабы, в свою очередь, освободиться от нее, избавиться как от балласта, сложив на стеллажах или в компьютерных программах (извращенная функция памятника, которая не ускользнула от Фрейда). Иными словами, если бы коллективная память просто хранилась в «локусах-памятниках», то коллектив быстро охватила бы амнезия. Системные компьютерщики, программирующие и создающие дистрибутивные сети все усложняющейся информации, не заботясь о предварительных условиях ученичества и наставничества, стали жертвами упомянутого смещения. Это означает пренебрегать тем, что книга еще не делает читателя (скорее, наоборот), и что банк линейных данных не вызывает сам по себе соответствующих способностей к усвоению знаний. Тем самым мы видим, как, с одной стороны, власти в сфере образования выводят классиков из программы средней школы, заменяя чтение текстов чтением газет, и в итоге в школе воцаряется чтение обрывков текстов; с другой же стороны, власти в сфере культуры субсидируют оцифровывание классиков, чтобы облегчить к ним доступ, и при этом удивляются, что некоторые читальные залы в наших электронных мавзолеях пустуют. Несообразность? Да, но основанная на заблуждении. Оно состоит в том, что физический перенос информации принимается за социальную передачу знаний. Или за средство их продвижения.

Мимоходом заметим, что это не оплакивание утраченных гуманитарных наук, но призыв к необходимости: вспомнить место институционального момента во всем процессе передачи. Или, точнее говоря, если оставаться в пределах записанной памяти к необходимости посредника между актуальными текстами и потенциальными читателями; к необходимости своего рода издательского института с его классическими атрибутами

каталогизации, отбора и иерархизации информации.

Скажем то же самое иначе. В «инфокоме» ударение спонтанно ставится на сами медиа, на характеристики их каналов или материальной основы. В «медии» тоническое ударение, скорее, ставится на медиацию (суффикс действия ция), неотделимую от ее оснащения. Медиологический анализ упорядочивает и подчиняет школу — образованию, музей — выставкам, библиотеку — чтению, мастерскую — ученичеству, лабораторию — исследованиям, церковь — культу и т.д. Возвышать «места памяти» над сообществами запоминающих людей и делать эти места независимыми от этих сообществ равнозначно фетишизации здания и, так сказать, отделению места обитания от самого обитания или тела от души. И душа здесь не нематериальное дуновение, но материализованная организация (допустим Церковь) способная пережить свое изначальное средство коммуникации (устную проповедь), используя, в хронологическом порядке, рукописный свиток, печатную книгу, радио и экран, в соответствии с имеющимися в распоряжении ресурсами; словом, «соответствуя эпохе» (телеевангелизация).

Нормально устроенный индивид, получивший кое-какое образование, усмотрит в знаменитой формулировке Маклюэна нелепость, колеблющуюся между «нечто приблизительное» и «больше чем неправильное». Тем более что автор этой формулы забыл определить, что такое медиум, что такое сообщение и что такое спутывающая их между собой связка.

И почему только признают его правоту? Ведь заголовок главы Маклюэна не просто приводит к путанице (разве в нем не смешивается под слишком удобной вывеской «медиума» канал, код и носитель информации?), но и подходит к границам иррационального. « $2+3=5$ » останется верным, будучи записанным и на пальмовом листе, и на бумаге «библьдрук», и по-английски, и по-турецки, и в устном, и в письменном виде. Причем здесь медиум? Медиум и сообщение находятся в симбиозе только в магически-религиозном мире. Керамическая скрижаль, молитвенник, талисман представляют собой сакральный объект, где материальный носитель настолько проникается свойствами того, что на нем написано, что сам становится вредоносным или спасительным (талисман нельзя разрушать, а лист бумаги с именем Божьим нельзя ни выбрасывать, ни использовать заново, потому что он изменил свою природу). Благочестивый иудей касается Торы не руками, но Йадам, указателем для чтения, палкой, заканчивающейся металлической ручкой. В исламизированной Западной Африке знахари племени сонинке даже рекомендовали больным пить растворенные в воде чернила, послужившие для записи на дощечке послания Аллаха. Выпивая жидкость, мы внедряем в себя божественное слово. Секуляризация Логоса произошла вопреки этим суевериям, когда познание стало независимым от своих изначальных вместилищ, а знание - переносимым с одного языка на другой, например, с латинского оригинала на французский язык. Слово коммуникация родилось в XIV в., во Франции, под пером переводчика Аристотеля, физика и философа Николя Орема (советник короля Карла V), чтобы прославить, наконец, обретенную независимость

сообщения по отношению к медиуму, позволяющую информации циркулировать на дистанции и свободно. Если бы Маклюэн был прав, доктора Сорбонны до сих пор писали бы диссертации на латыни, и офранцузивание знания было бы постыдным и даже невозможным. Одно дело (тривиальное) — напомнить, что не бывает сообщений без медиума (без звуковых волн ваша речь не была бы слышна), и другое дело, софизм, заключить отсюда, что медиум и сообщение — одно и то же.

Во всем важно уточнить точку отсчета. Не собираемся же мы возводить на песке какую-то чепуху. Итак, вернемся к нашему маршруту. Первое наблюдение: за упрощенчество приходится платить. Если есть промах, то смешиваются два различных явления. Каждый может об этом вспомнить. Десять превосходных авторов до нашего канадского пророка поэта выдвигали (а не провозглашали) идеи такого рода, но более нюансированные и тонкие, лучше проясненные — не забираясь так далеко, как Маклюэн. Их высказывания сами по себе сообщениями не стали. Здесь же сокращенная форма рекламного слогана с аллитерациями и скандированием — согласно старому методу мнемоники: отбивать такт в стихе — проторила себе путь посреди общей суматохи. Эту фразу легко воспроизвести. И на всех языках. Чеканная формулировка обрела силу планетарного рефрена, девиза или пословицы в том, что могло бы или должно было уйти в песок. Парадокс самоподтверждающегося парадокса. «Да, да, главное — медиум, вот и доказательство», — говорят люди.

Второе наблюдение: Маклюэн говорил о сообщении. Однако наш контрпример $2+3=5$ в полном смысле сообщением не является. Этот последний необходимо отличать от научного высказывания. Такое высказывание безлично, у него нет адреса на конверте. Для него достаточно приравнивания разума к вещи. Оно не стремится зацепиться за какого-нибудь адресата. Невозможно указать его отправителя. А вот сообщение, напротив того, сопряжено со звательным падежом, имплицитно или эксплицитно (вы, язычники Империи; пролетарии всех стран, венские невротики, европейские избиратели и т.д.). Оно, скорее, нечто предписывает, нежели описывает (вы должны повиноваться Богу, сплачиваться вокруг Партии, прислушиваться к вашему бессознательному, голосовать за хороших кандидатов и т.д.); его ценность, по сути, прагматическая (важно делать, а не знать, и если важно знать то-то или то-то, то именно для того, чтобы хорошо или лучше сделать). Зона сообщений — это, скорее, зона *certum* (область субъективных верований и достоверностей); зона же высказываний — зона *verum* (доказуемых или фальсифицируемых истин). Следовательно, то, что может расцениваться как сообщение (идеологическое, религиозное или моральное), и сопроизведенное медиумом, не может считаться на тех же основаниях или же каким-либо более сложным или окольным путем, за абстрактное и вневременное высказывание.

Третье замечание: хотя верно, что Маклюэн мыслитель проницательный и интуитивный, но совсем не строгий, употребляет термин «медиум» вкривь и вкось, но упрощенную мысль все-таки нельзя назвать идиотической. Она

может вывести нас на действительно сложный путь. Раз имеются ложные хорошие идеи (и их даже большинство), то почему иногда не может быть дурных справедливых идей? В таком случае, высказывание *the medium is the message* от-носится к их числу.

Скажем без обиняков: медиум с определенным артиклем не существует, как нечто единственное в своем роде и легко распознаваемое. Это слово-капкан. По существу, оно обозначает множество реальностей разной природы. Они не противоречат друг другу, зачастую друг на друга накладываются, но ни в коем случае не могут сливаться.

Медиум может обозначать:

- 1) общую процедуру символизации (членораздельную речь, графический знак, визуальный образ);
- 2) социальный код коммуникации (язык, используемый говорящим или пишущим);
- 3) физический носитель для записи и хранения (камень, папирус, магнитный носитель, микрофильмы, CD-ROM) и т.д.
- 4) аппарат распространения с соответствующим режимом циркуляции (рукопись, типография, цифровое устройство).

Возьмем самый близкий пример. У вас перед глазами книга Л. Толстого «Война и мир». Назовем его ради условности сообщением. Где же будет медиум? Их несколько и они разных видов. Пронумеруем наложенные друг на друга промежуточные слои, благодаря которым такой нематериальный объект, как индивид, прозываемый «автором из заглавия», смог стать подвижным, продаваемым и доступным предметом, который вы держите в руках. Различные разновидности «медиумов», включенные в эту банальную утварь и позволившие ему путешествовать между моим и вашим мозгом (а потом — от вашего в другие), вам не видны (в силу привычки) по той простой причине, что они у вас перед носом, а «самое темное место — всегда под лампой». То, что позволило автору перебросить некое логическое содержание через эфир, для нас (для вас и для меня) настолько знакомо и безразлично, что мы забываем о том, что нашим предкам потребовались столетия, чтобы изобрести инструменты, сделавшие это чудо возможным:

1. Для начала заметьте, что вам придется не расшифровывать какую-то мозаику из фигуративных символов (те более или менее абстрактные графические мотивы, которые называются пиктограммами и мифограммами), расположенных в виде звездочки или друг под другом на какой угодно поверхности, но читать алфавитные знаки строку за строкой. Л. Толстой действительно предпочел «текстовый режим» «режиму образов», языковой канал визуальному.

А вот пять тысяч лет назад (т.е. вчера утром в масштабе *sapiens sapiens*) у автора не было бы выбора, а три тысячи лет назад ему бы в лучшем случае пришлось воспользоваться фонетической письменностью (записывая слоги, как в шумерском или аккадском) и даже консонантным письмом (как в арамейском, который был языком Христа; правда, на нем никогда ничего не писали, разве что на песке рукой), но не записывая гласных (что затрудняет

чтение). Вокалический, сиро-финикийский, алфавит, откуда происходит наш (через греческий, а потом и латынь) представляет собой позднее достижение, даже если все мы, грамотные, превосходно им владеем.

Итак, первый медиум есть письмо. И не без последствий. Если бы автор пользовался мультфильмом, ребусами или диаграммами (режим изображений), он бы, конечно, не сообщил тех же «идей» и не достиг того же смыслового эффекта: больше суггестивных эмоций, но меньше различий и логических структур. И прежде всего, с первичным устным текстом (передача из уст к ушам) мы бы даже не говорили ни о «медиологии», ни о введении в какую бы то ни было «логию».

2. Этот текст был написан по-русски, потому что мы с вами — русскоязычные. Мы то об этом не думаем, но какой-нибудь бразилец или японец сразу же заметят этот странный для них медиум. Наш родной язык является для нас прозрачным и естественным, потому что мы в нем рождены, но он не существовал бы без иной реальности, в которой нет ничего естественного, натурального (и прозрачного), и эта реальность — нация (натуральный и нация — от корня *nacisog*, рождаться). Естественность языка естественна для нас, но не сама по себе: это результат политического и даже военного процесса (язык - это диалект, однажды ставший каноническим). Этот код отсылает к исторически сложившейся социальной группе. Русский, например, представляет собой коллективное благо, «защищаемое» одноименным коллективом, и наши власти выносят решения, в частности, об орфографии (реформы которой вносятся государственными делами), о включении неологизмов в язык, о словаре (через Российскую академию), о преподавании и распространении за границей «русского языка, официального языка государства», о чем говорит наша Конституция. А вот тысячу лет назад автор бы, скорее, пользовался латынью.

Итак, второй медиум — естественный язык. Однако мы не говорим ни в точности то же самое, ни одним и тем же способом, когда высказываемся по-русски, по-английски или по-китайски. У каждого языка свой гений. Он показывает мир сквозь особую призму. Так, категории, которые Аристотель закладывает в основание мысли, калькируют данные греческой грамматики до такой степени, что можно сказать, что он только и делал, что «объяснял известную метафизику греческого языка», и теологические диспуты о двойной природе Христа (человека или Бога, подобного или же единосущного Слову), которые обагрят кровью восточное христианство на протяжении нескольких столетий, велись из-за смыслоразличительного дифтонга (*omoios/otoioisios*) и представляются «не-греку» совершенно непонятными. Когда же Декарт опубликовал «Рассуждение о методе» на французском (а не на латыни, в отличие от «Начал» или от «Правил для руководства ума»), то выбор этого медиума продемонстрировал намеренную дистанцированность от традиции схоластической темноты, и это противостояние по отношению к «популярной» прозрачности обладает ценностью манифеста.

3. Этот написанный по-русски текст был нацарапан на скорую руку, кое-что подчеркнуто, переписано — и вы его читаете — и все это на бумаге. Этот ненадежный носитель основополагающих сведений попал к нам из Китая через арабов в XIII в. Если бы исследование медиа возникло до XVI в., — века, когда заработала первая фабрика по производству бумаги на Руси, то вы держали бы в руках пергамент (кожа барана или телянка, вымоченная в извести, выскобленная, лощеная, высушенная и отполированная пемзой). Раньше вы держали бы свиток папируса, а еще раньше — глиняную табличку. Листы бумаги, которые вы переворачиваете, были сложены трижды (что дает ин-октаво), объединены в тетради и переплетены. Такого гениального изобретение под названием кодекс, которое восходит ко II в. До н.э. и сохранилось с тех пор почти в неизменности. Окончательная победа кодекса над свитком сопутствует победе христианства над язычеством. Библия и Священное Писание нашли в этом наследнике римской восковой записной книжки подходящего проводника: компактный (можно использовать с двух сторон), удобный в обращении (пригоден для публичной декламации, можно положить перед собой и читать нараспев, сохраняя обе руки свободными), удобен для примечаний к тексту. Материальная форма страницы способствовала организации текста, неведомой прежним «авторам» (пунктуация, пагинация, деление на главы, а потом на абзацы, оглавление, именной указатель). Единственное выделение строки — каждая идея с красной строки - уже само по себе интеллектуальный мотор. Этот паратекст организует смысл, это «содержащее» управляет определенным содержимым.

4. Эта книга не существовала, если бы ее не заказал издатель, который выбрал заглавие, типографию, фотографию на обложке. Как бы там ни было, эта книга черпает значительную часть своего смысла из этого режима презентации. Издательство — коммерческое предприятие, выросшее в орбите рыночных структур. Без этой сразу и экономической, и социальной опосредованности данный текст сегодня не лежал бы на прилавках. Книга как продаваемый и воспроизводимый товар принадлежит издателю, которому автор доверил ее эксплуатацию по договору, обязуясь написать в определенный срок. Автор является собственником только текста (ведь язык принадлежит всем, а алфавит не принадлежит никому). Ценность текста, блага нематериального, не зависит от носителя, но потребовалось размножить носители, чтобы произвести понятие этой ценности подобно тому, как потребовались типографии, чтобы породить понятие автора (авторское право возникло из права на механическое воспроизведение оригинального текста, который в эпоху рукописей существовал лишь в единственном экземпляре, или в редкостных экземплярах, объединяя в едином целом «произведение духа» и материальный объект). Существуют вещи, написанные почти три тысячи лет назад, но авторы существуют лишь четыреста лет.

Итак, то, что представлялось нам сверхпростым, оказывается сложным; под этим «объектом, наделенным духом» (Гуссерль) кроется трудно-

поддающаяся разбору коалиция «медиумов». Интеллектуальная память человечества провозглашает себя как невероятное накопление написанного. Книга, на наш взгляд, элементарная форма этой памяти, не является ни отправной, ни финальной точкой. Это лишь один из этапов, потому что весьма вероятно, что впоследствии книга превратится в нематериальную электронную форму. Прямоугольный и объемистый предмет, на первый взгляд, кажется чем-то тривиальным и само собой разумеющимся. В действительности же это головокружительный, попавший в затруднительное положение, магический, противоречивый объект, «полный метафизических тонкостей» (как говорил Маркс о товаре). Одни из его свойств упорядочиваются согласно материальному полюсу (бумага, типография, форма), а другие — согласно полюсу социальному (язык, нация, издатель). С одной стороны, мы имеем организованную материю, с другой, — материализованные организации. Мы обнаружим этот двойственный характер во всех средствах передачи.

Когда землянин смотрит на небо, его первый импульс — поверить в то, что Солнце вращается вокруг Земли; все наводит на мысль об этом. Когда читатель разглядывает библиотечную полку, его первый импульс — поверить, что авторы сами породили вот эти книги, которым они предсуществовали. Так делает и сам автор, разумеется, заботящийся о своем «авторитете» (однокоренные слова). Ему приятно полагать, что его «произведение» просто-напросто вышло из его духа. Разве он не записал свои идеи словами, не упорядочил слова по страницам, а страницы — по тетрадам? Он с удовольствием воображает свой труд как нисходящую операцию: от возвышенного к серийному от настоящего к второстепенному и от произведения, задуманного автором в одиночестве, к объекту, изготовленному неважно как. Все мы бессознательно действуем сверху вниз — от духа вверху к материи внизу (я излагаю идею письменно, я выкладываю ее и т.д.). Мы несколько не подозреваем, что дух может подниматься (снизу); что книга (объект) изобрела «автора» (субъект) — что нас «сделало» то, что сделали мы. Как и то, что система записи, отступая во времени, могла как-то породить вторую природу, какой является наша культура.

Логическая машина, которую представляет собой запись, изменила человеческое существо; не только его «быть» и его «иметь», но и его компетенцию и грезы. Она революционизировала его пространство через первую форму телеприсутствия — позволив ознакомиться или способствовать ознакомлению с сообщениями, произведенными людьми, отдаленными на тысячи километров. Она революционизировала его время, которое перешло от циклической формы, свойственной устным цивилизациям, к линейной прогрессии. И произошло это потому, что стало возможным назначить фиксированную точку отсчета в длительности, провести черту, начиная с которой мы могли бы нумеровать года, правителей и эры, словом — устанавливать хронологию. Переход от устных культур к письменным рассматривался в современную эпоху, а именно, в Африке, например,

антропологом Джеком Гуди. И ретроспективно такими историками античного мира, как Пьер Видаль-Наке, Марсель Детьен, Вальтер Онг. Эти исследования по взаимовлиянию и взаимообусловленности фактически установили то, чем мы обязаны линейной записи речи: абстрактность (именно потому, что запись отделяет сообщение от обстоятельств его высказывания, от ситуации, переживаемой высказывающимся; запись «деконтекстуализирует» дискурс); идею универсального (будь то религия или научная истина, буддизм или геометрия), тогда как устное с необходимостью является локальным, контекстуальным и этноцентрическим; логическое умозаключение, классификацию и дедукцию (принцип непротиворечивости, например, не выводится, пока мы не располагаем поверхностями для записи, позволяющими сопоставлять и противопоставлять термы и операции); историю (начинающуюся с установления списков, династий и генеалогий); географию (предполагающую начертание маршрутов, контурные линии и карты); критический дух (как способность вернуться к визуализируемому и активизируемому предыдущему знанию). Не забывая, конечно, о демократии: равенство перед законом предполагает, что последний может быть прочитан всеми, что его учет каждый на агоре, и в Спарте, милитаризованной олигархии, где голосование фактически осуществлялось при помощи единодушных приветственных возгласов, а не бюллетеней, мы обнаруживаем в сто раз меньше гравированных стел (девять надписей за шесть столетий), чем в Афинах (где количество надписей уменьшается в периоды олигархической реставрации, например, в 480-457 гг. до н. э.). Широко известны такие последствия, связанные с письменностью, которые описаны у многих историков.

Более замаскированной остается зависимость символов от носителей. Графическая символизация оказалась медиазависимым приключением, когда коды, медленно «процеживаемые» сквозь тысячелетия, были «селекционированы» случайными ресурсами естественной среды (причем влажность не являлась благоприятным фактором). Историки искусства знают, что невозможно создать историю форм, которая не была бы историей материалов. И это не только в живописи и скульптуре (где это само собой разумеется), но и в архитектуре с «вечными формами»: особо обработанный камень характеризует сферический свод романского собора, а добавление цемента позволило создать готическую стрельчатую арку (первое покорение вертикальности). Плавка железа и производство стекла возносят градостроительство ввысь (небоскребы и башни), а синтетические материалы сегодня по-новому моделируют обитаемые пространства (не говоря уже о городском оборудовании).

Историки письменных текстов оказались первыми, кто узнал, что история знаков начинается с истории материалов. Материя фактически обусловила начертание знаков через посредство «инструмента (для черчения, насечения, гравирования и т.д.). После кости или бронзы, для обработки которых необходим стилет, и камня, который поддается долоту (отсюда

«лапидарный» или сжатый стиль), сырая глина единственное богатство месопотамских империй, позволяет работать только с каламом, тростником с треугольным острием — и отсюда происходит прямоугольная клинопись. Когда папирус с берегов Нила вытесняет таблички из обожженной глины (материал изобильный и дешевый, но ломкий и весьма громоздкий), клинопись уходит, а приходит кисточка из волокнистого тростника, которая — посредством красных и черных чернил (углерод или киноварь) — упрощает и ускоряет начертание. Отсюда рождение египетского демотического письма (VII в. до н.э.) и вокалических алфавитов в восточном Средиземноморье. Пергамент, или «пергамская кожа», изобретенный жителями города Пергам во II в. (чтобы компенсировать нехватку папируса или блокаду в его отношении), позволяет работать с гусиным пером и ввести кодекс (папирус свертывается в трубочку, но с трудом складывается). Перо видоизменяет пластику знаков (начиная с XI в.) и отсюда возникают начертания более скорописные, не столь жесткие, с отдельно стоящими буквами, что облегчает диктовку и чтение (после унциала и полуунциала — каролингский минускул). Зато в России использование бересты надолго затормозило эволюцию кириллицы, оказавшейся запертой в пределах весьма холодных и угловатых начертаний. Что же касается податливой, но крепкой бумаги, то ее применение стало освобождением во всех отношениях. Все становится возможным — формы, форматы и шрифты. Разве что введение в XIX в. древесины вместо тряпки драматически укорачивает жизнь такого носителя сообщений, как кислотная бумага. Древесная масса приумножает объем производства, но открывает эпоху информации (стремительно устаревающей), создавая опасность для памяти. Не бывает невинных носителей, за каждый материал приходится платить. Еще лучше это заметно в случае с носителями бинарной информации. С одной стороны, они дают наилучшее отношение отсутствия громоздкости к записи, но, с другой, — надежду на срок жизни всего лишь в 50 лет для магнитной ленты (чуть больше — для цифровых CD). Гарантированное размножение (без всяких кирпичей и пергамента) и столь же гарантированное устаревание. В общей сложности, стереотипная формулировка, которую вначале мы сочли совсем нелегкой, не могла бы привести к столь плохому старту.

Сократ: «Так вот, я слышал, что близ египетского Навкратиса родился один из древних тамошних богов, которому посвящена птица, называемая ибисом. А самому божеству имя было Тевт. Он первый изобрел число, счет, геометрию, астрономию, вдобавок игру в шашки и в кости, а также и письма. Царем над всем Египтом был тогда Тамус, правивший в великом городе верхней области, который греки называют египетскими Фивами, а его бога — Амоном. Придя к царю, Тевт показал свои искусства и сказал, что их надо передать остальным египтянам. Царь спросил, какую пользу приносит каждое из них [...] Когда же дошел черед до писем, Тевт сказал: «Эта наука, царь, сделает египтян более мудрыми и памятьливыми, так как найдено средство для памяти и мудрости». Царь же сказал: «Искуснейший Тевт, один способен породить предметы искусства, а другой — судить, какая в них

доля вреда или выгоды для тех, кто будет ими пользоваться. Вот и сейчас ты, отец письмен, из любви к ним придал им прямо противоположное значение. В души научившихся им они вселят забывчивость, так как будет лишена упражнения память: припоминать станут извне, доверяясь письму, по посторонним знакам, а не изнутри сами собою. Стало быть, ты нашел средство не для памяти, а для припоминания. Ты даешь ученикам мнимую, а не истинную мудрость. Они у тебя будут многое знать понаслышке, без обучения, и будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, людьми трудными для общения; они станут мнимомудрыми вместо мудрых»¹⁸.

Контрольные вопросы к Теме 3

1. Как можно истолковать понятие «медиа»?
2. Какие объекты, окружающие современного человека, можно отнести к «медиа»?
3. Как Вы понимаете высказывание Г.М. Маклюэна «средство коммуникации есть сообщение»?
4. Что может означать medium (посредник)?
5. Почему Платон считал, что письменность делает людей «мнимомудрыми», а вовсе не мудрыми? Обоснуйте свой ответ.

Тема 4. Классификация медиасфер

Основное поле работы исследователя медиа — палеография, но улей его не в ней. Длительная тенденция носителей написанного (отражающая тенденцию технических объектов вообще) — развитие в сторону компактного, манипулируемого и легкого (дискета). Зато поле для манипуляции начертаниями постоянно росло, как и поле манипуляции над текстами по отношению к носителю. По мере уменьшения носителя текст становится все подвижнее и автономнее. Сегодня он летает, как некогда слово. Таково технологическое, а стало быть, символическое достижение (технология и символика обуславливают друг друга, в том числе и в первую очередь — в числовой «нематериальности»). Это-то регулярное соответствие и интересует медиолога. Оно наводит на мысль, что логика сообщений (= символическое) может отыскиваться в логике медиума (= техника). Относительно зависимости духовного от материального история письменности делает лишь туманный вывод. Из него можно образовать нечто вроде путеводной нити через длительность, проясняя преемственность наших технологий воображения и познания и позволяя построить одновременно и прагматическую, и рациональную историю культур. Коллективная ментальность уравнивается и стабилизируется вокруг господствующей технологии памяти, очага социально определяющих

¹⁸ Платон. Федр. 274d-277a.

компетенций и реорганизуемого центра подвластных ему медиа (и коллективов).

Господствующим же является основной метод запоминания и циркуляции следов (письменность, электроника, цифровые технологии). Этому процессу-гегемону соответствует известная среда передачи сообщений (и, как мы увидим, перевозки людей), макросреда которую мы назовем «медиаферой». Последняя определяет известный тип регулирующих верований, конкретную темпоральность (или отношения, свойственные астрономическому времени), и определенным образом сплачивает сообщества (больше, чем простые рамки территориальной группировки). Их совокупность характеризует коллективную персональность или единство стиля эпохи, или же то общее, что имеется в ее инструментах, формах и идеях. Тем самым нашу ментальность можно помыслить как «ментальную часть» инструментов (душа - говорил Спиноза — есть идея тела, каковое, правда, для него было не вещью, но потенцией бытия).

И мы назвали бы Культурой взаимодействие кодов при забвении векторов. Периодизация через медиаферу не может осуществляться по касательной по отношению ко всем человеческим обществам, так как все страны и даже континенты не проживают ни в одну и ту же эпоху, ни одним и тем же способом великие этапы технической эволюции (что сегодня мы видим на примере сопротивления ислама «нашествию образов», возглавляемому электроникой). Будем иметь в виду, что медиафера датируется не сегодняшним днем, так как «медиа» существовали всегда с тех пор, как имеется информация для циркуляции. Не так давно мы, воздавая должное устаревшей (теолого-схоластической) традиции трех эпох, пытались обнаружить три хронологических объединителя, три экосистемы западного духа, которые следуют друг за другом, и **наслаиваются друг на друга**.

Первый охватывает период, начавшийся с конца первобытной мнемосферы (период неписаных искусств памяти) и продолжавшийся до единообразно числовой кодировки звуков, образов и текстов.

Логосферой условились называть технокультурную среду, порожденную изобретением письменности, но устое слово в ней оставалось основным средством коммуникации и передачи (ведь большая часть населения была неграмотной). Великие люди, в том числе и писатели, являлись ораторами, риторика — основной наукой, а ораторское искусство — первым из всех. Это был период назиданий торжественных речей, проповедей и нравоучений, но также эпоей, театра и поэзии (придворной и галантной). Письменный дискурс калькировал разговорный. Писать в те годы означало «диктовать» (писцы в Риме были рабами), а письменность считалась преимущественно хранилищем слова Божьего (Священное Писание) или освященного (деяния или изречения предков), или же устройством для передачи накопленного (глоссы и комментарии). Таково слитное восприятие эллинского логоса: сразу и рнеута, жизненное дыхание, и dynamic, творческая способность. Слово возрождает. Религии, (неправильно) называемые религиями Книги, вышли из этой логосферы, где вспомогательные устройства для памяти

используются для записи устного Откровения, универсального и тотального (Библию, Евангелие и Коран можно читать как книги, сообщающие всё обо всем). Чтение текста есть декламация о жизни (коллективная, во весь голос или нараспев, на манер псалма). Индия брахманов и африканская деревня с ее коранической школой дают до сих пор живой пример «логосферы».

Мы назвали графосферой период, открываемый книгопечатанием, когда книги постепенно заменяют Книгу (или принимают от нее эстафету), а книжной передаче подвергаются не только знания, но и мифы. Эта медиасфера видит триумф искусств и институтов, основанных на печатном слове начиная со школы. Зачарованность будущим сопровождает господство отсроченного. «Социалистический» мир, с его культом книги и педагогики, можно назвать последней цивилизационной виньеткой графосферы. Будучи благоприятной для политического энтузиазма и секулярного мессианства, эта система передачи ускоряет исторический ритм (смену революций, мод, вкусов, поколений) и сжимает географическое пространство благодаря пару, а впоследствии электричеству. Равновесие в этой среде было насильственно нарушено вторжением аудиовизуальности, о котором возвестил разрыв в «индексной» системе, связанный с изобретением фотографии (1839).

Наконец, видеосферой мы назвали господствующую среду образа-звука, период в истории духа, начинающийся с открытия электрона и, быть может, уже подорванный битом информации. Строчку вновь заменяет Плоть, ставшая Слово в тупик. На подъеме находятся культуры потока. Архивы забиты до отказа. Покорение вездесущности завершено, мгновенность находит кульминацию в live (прямом эфире). В Государстве мы присутствуем при распаде/рекомпозиции институтов, основанных на отсрочивании буквенных технологий (государство-нация, партии, системы образования).

Луиза Мерзо с полным правом недавно задалась вопросом о том, не послужит ли этот период преамбулой к еще более всеохватной и более стабильной сфере, произошедшей от цифровых технологий, которую она называет гиперсферой.

Медиасфера не является более или менее тоталитарной, нежели какая-либо биосфера в царстве живого. Она может давать приют множеству сравнительно автономных культурных экосистем или микросред (как биосфера — множеству биотопов). Все мы живем в видеосфере, но не все полагаем (видим, помним, ощущаем и хотим) одного и то же. Мы можем быть военными, каменщиками (масонами), соблюдающими обряды христианами, воинствующими коммунистами, латинистами или физиками, что дает каждому его собственный мир; и каждый обитатель этих территорий фильтрует действительность в своем ритме, со своими референциями, своей нервной системой, своими критериями восприятия и оценки. В зависимости от этого будет варьировать воздействие на нас информационной макросферы, но все эти профессиональные или семейные «ниши», более или менее активные, либо утратившие жизненную силу, *volens nolens* погружены в пространство-время, определяемое циркуляцией образа-звука со скоростью

света.

Подобно тому, как новый носитель не устраняет предыдущего (но может добавлять ему новые возможности), так и новая медиасфера не изгоняет предыдущую. Она реструктурирует ее на собственных условиях, по завершении длительных переговоров о месте и о функции, так что, в конечном счете, все медиасферы вкладываются одна в другую, но не как угодно. Ставя на кон социальное могущество и будучи источником высочайших индивидуальных вознаграждений (символических и денежных), наиболее эффективный медиум динамизирует и перестраивает не столь эффективные. Его эффективность может оцениваться по правилу минимакса: медиум должен передавать максимум информации максимальному количеству адресатов за минимальную стоимость и при минимальной громоздкости (касающейся объема, поверхности и длительности).

Так, алфавитное письмо дисквалифицирует (и вытесняет) слоговое (а это последнее — идеограмму); свиток дисквалифицирует и вытесняет табличку, кодекс - свиток, печатная продукция - рукопись, аудиовизуальные материалы — рукописи, а цифровые медиа — аналоговые. И это не забывая о том, что сфера господствующего медиума сосредоточивает для каждого периода максимум политической активности. Власть надзирает над работой скрипториев, типографий, мастерских, где всякий раз с новой силой разворачивается ожесточенная борьба за господство. Возьмем, например, сегодня напряженные отношения между личностями, лобби и экономическими группами в аудиовизуальной индустрии и вокруг нее.

Как переходят из одной медиасферы в другую? Посредством «революции» в машинах, затрагивающей прежде всего технические аспекты передачи (ОМ), и заодно ее социологические аспекты (МО). Разумеется, эта техническая революция требует благоприятной культурной среды. Она не приходит из ничего. Она входит в некую постепенную непрерывность. В рамках логосферы (чья чрезмерная и, может быть, несколько расплывчатая длительность не должна сбивать с толку), произошли крупные перевороты, например, замена свитка кодексом (между II и IV вв.), изобретение минускула (между VIII и IX вв.) как исток чтения про себя; появление бумаги (которая может сделать из книги предмет уже не роскоши, но торговли и удобного потребления); формирование административных клерикатур, накапливающих написанное (архивы, бухгалтерское дело, подлинники юридических документов); подъем университетов; система ресіа (рукописей изготавливаемых в мастерских) возникла благодаря этому подъему; развитие ксилографии и т. д. Именно на этом медленно оттесняемом вглубь перегнутое вертикальная мобильность графосферы смогла осуществить такую политическую моральную и духовную революцию, как протестантизм и нарождающиеся разновидности национализма (что сопровождалось религиозными войнами). Ручная печать не изменила кода языкового медиума (не были преобразованы ни французский лексикон, ни синтаксис); она не отменила одним росчерком пера другие способы передачи (в XVI в. продолжали и произносить проповеди и писать от руки). Как мы видим, она

не изобрела собственный материальный носитель: бумага из тряпки уже существовала, кодекс тоже, а формы типографских инкунабул, как напомнил Роже Шартье, строятся сообразно формам рукописи (42-строчная Библия).

И все-таки, если не учитывать институциональной инерции и учитывать латентный период (для типографской печати — два поколения, 1440-1530 гг.), то именно изобретение Гутенберга, со своей датой и своим местом, открывает новую эру и нарушает единство христианства. Какие разрывы возвестит возможное свержение электрона фотоном (свет движется гораздо быстрее, нежели электричество, и может передать больше информации) говорить пока еще слишком рано (фотонной памяти пока не существует), но изменение носителя, как известно, является и свержением власти.

Техническое изменение медиасферы является изменением и в социальном статусе администраторов смысла. Это подрыв посредством обхода и обнаруживается он не сразу. В середине XV в. корпорация священнослужителей была осчастливлена изобретением печати, приняв ее за просто дополнительный носитель (технический); она не разглядела, что при этом возникали новые отношения (социальные). В 50-е гг. нашего века корпорация издателей и преподавателей посчитала телевидение просто-напросто визуальным громкоговорителем, тогда как политики усматривали в нем всего лишь оптический усилитель речей с трибуны (более эффективный рупор, который добавлялся к уже имевшимся микрофонам). В действительности печатная продукция вызвала подрыв церковной иерархии, обойдя ее стороной, с той же непреложностью, с какой телевидение подорвало старые партийные иерархии (хотя все торопились примкнуть к новой сети). И поскольку первое время сдвиг между причиной и следствием маскировал эффект разрыва, то по всему казалось будто упомянутые корпорации правы (всякий раз старый порядок начинал извлекать прибыль из нового медиума). Однако вчерашний переход от буквенной памяти, памяти книг и печатной продукции, составляющих основу графосферы, к аналоговым запоминающим устройствам (фотографии, фонографии, кино, радио, телевидению) из видеосферы смог вызвать социальный переворот. Из-за одного только факта, что аналоговые запоминающие устройства больше не требуют особой квалификации для доступа к архиву и передают кодирование и декодирование машинам (считывающее устройство для кассеты, проекционный аппарат, электропроигрыватель, компьютер и т.д.), они наделяют непосредственным культурным значением покупательную способность. Кроме того, они обеспечивают сравнительное преимущество информации над познанием (документа над последовательностью, паратаксиса над синтаксисом и т.д.), а, стало быть, в социальном отношении — средств информации над институтами знания. Это инверсия устоявшихся иерархий (среди производителей символического) и раскачивание как на качелях в экономике корпораций. Упомянутые носители «декоммуничают» сообщества действия, знания и веры (коллективных интеллектуалов, какими были академии, церкви и партии). И при этом в планетарном масштабе увеличивают неравенство между ноу хау и другими

знаниями.

Каковы бы ни были возражения, которые можно (и необходимо) сделать с исторической точки зрения, в наших идеально-типических таксономиях — лого-, графо-, видео-, — мы придерживаемся суффикса — сфера. Он обозначает охват, а не столкновение лицом к лицу, и в этом отличается от поля. Такому двумерному и оптическому понятию противостоит трехмерный, синергический, погружающий характер медиасфер. Мы эволюционируем в них, «как рыба в воде». Отсюда все трудности. «H₂O не является открытием, сделанным рыбой». Кроме тех случаев, может быть, когда рыба оказывается на песке. Мы начинаем обращать внимание на нашу медиасферу, когда та повреждена (близорукий догадывается, что он носит очки, когда теряет или ломает их). Аналогичное произойдет, если благочестивый читатель Библии задастся вопросом, на каком языке говорил Бог, когда создавал мир с помощью слова,— ибо авторы Ветхого Завета не чувствовали потребности уточнять эти детали читатель может начать сомневаться. Медиологическое открытие всегда совершается задним числом, и эта рефлексивность мучительна, и даже приводит в уныние. Валери говорил, что печаль происходит от всего, чему мы уделяем чрезмерное внимание. Именно когда наша среда (природная или культурная) начинает причинять нам боль, мы догадываемся о существовании этой среды, и чем больше мы ощущаем ее хрупкость, тем хуже себя от этого чувствуем. Так, мы открываем наш язык, когда, будучи за границей, уже не можем на нем говорить — или то, что у нас есть родина, когда находимся в изгнании. Следствие здесь таково, что медиолог (как и эколог) регулярно запаздывает, и осознание этого проникается ощущением потери. Наилучший пример тут дает опять-таки Платон в знаменитом порицании письменности-первом опыте по прикладной медиологии. Анализ проводится окольным путем и окрашен чувством ностальгии по уже весьма подорванному господству аристократической устной культуры. Вот какова моральная плата за эпистемологическое познание «задним числом». Подобно удивлению философа (почему существует скорее бытие, нежели ничто?), страх, вызванный деградацией медиасферы (или биосферы), каковую мы считали естественной, а значит, так или иначе бессмертной, способствует вопрошанию о материальной основе этих сфер, до сих пор считавшейся нами неважной. Экологическому пафосу - может ли род человеческий выжить при сегодняшнем озоновом слое? - вторит эхом страх со стороны медиологии - будет ли еще возможной передача (подлинных) ценностей после замены мудрецов папирусом (Платон), живописи — фотографией (Бодлер), литературы — кинематографом (Жорж Дюамель), подлинной книги - одноразовым «покетбуком», большого экрана — малым и т.д.? Знакомый рефрен что случится с гуманизмом после изобретения варварских железных дорог икарийского аэроплана, столь легкомысленного радио, столь вульгарного телевидения столь опасной виртуальности? Если призрак потери обернется реакционным наваждением упадка, то дискурс прояснения дойдет до провозглашения Апокалипсиса и до риторик заката (конец того, конец

сего). И тогда страх станет не двигателем, но причиной помрачения. Медиологические наблюдения будут более трезвыми, когда пройдет время скорби и компенсации за нее. Медиолог предается относительной ретроспекции, но должен бороться с меланхолией. Ибо ничто не теряется, но все преобразуется. И возобновляется по-иному.

Симметричные таблицы со столбцами и рубриками не имеют другой ценности, кроме показа. Они служат выделению идеальных типов и показу логики значащих разрывов, где каждый изолированный элемент обретает смысл через различия, и поэтому каждую сферу нельзя рассматривать в отдельности от других. За эти удобные сопоставления приходится платить: эта система оппозиций является намеренно чрезмерной, пренебрегающей нюансами, оттенками и переходными случаями, которые историческое наблюдение находит неизбежно и намеренно. История движется по строкам (по линиям перехода, а не разделения); метаистория — по столбцам (ради связности, а иногда автономии). Упрощение для объяснения стоит ли игра свеч? Нет — говорит исследователь (историк), потому что это не затрагивает пограничных случаев. Да - говорит педагог (философ), потому что нам следует знать, откуда мы отправляемся и куда приходим. Эта дилемма берет свое начало еще в античной науке.

Контрольные вопросы к Теме 4

1. Как можно истолковать понятие «медиафера»?
2. Из каких элементов состоит «медиафера»?
3. Каково пространство мнемосферы, ее основные характеристики?
4. Что конституирует логосферу? Перечислите ее ключевые свойства.
5. Как можно охарактеризовать графосферу? Каковы ее важнейшие характеристики?
6. Видеосфера – современный этап существования медиаферы. Тенденции ее развития.
7. Гиперсфера как будущее человеческой цивилизации.
8. Как осуществляется переход из одной медиаферы в другую?
9. Кто из известных исследователей внес вклад в историю изучения медиакультуры?

Тема 5. Техника и культура

Возможно нас обвинят в недооценке культурного элемента и в пренебрежении элементом политическим в том, что мы чересчур стремимся реабилитировать технику, недооценка которой и презрение к которой служат неотъемлемыми чертами нашего наследия и больше характерны для римско-католической, чем для протестантской страны. Это презрение настолько вошло в наш ментальный геном, что наше общество, столь чудовищно оснащенное различными техническими устройствами и к тому же признающее «технонауку», продолжает располагать технологические сети в самом низу своей иерархии преподавания.

То, что называется «технической культурой», пока не нашло себе места в Культуре. Весомость менталитетов такова, что (давнее) недоверие к технике сопротивляется всем ее успехам, а (греческий) престиж политики — всем связанным с ней обманам. Космическая ракета, гениальные открытия в генетике, антибиотики, киберпространство и компьютеры занимают, в конечном счете, меньше места в наших разговорах, чем Октябрьская революция, убийство Кеннеди и ближайшие выборы. То, что политические дела сегодня превратились в предмет неблагоприятных для них предвзятых суждений, не мешает им занимать публичное пространство и, как прежде, не сходить со сцены, быть ярче научно-технических исследований. Как бы мы ни сознавали, что политические власти едва ли контролируют ход вещей (*volens nolens* они просто распределяют достижения технической эволюции), они продолжают очаровывать нас, потому что эта сфера деятельности мобилизует несравненно более сильные («первостепенные») аффекты и эмоции. В противоположность технике, определяемой по итогам (несмотря на промахи и блуждания), как "человеческое действие, имеющее успех" (Одрикур), политику можно было бы нагло определить как «человеческое действие, терпящее крах». Хотя эмоциональная сфера остается более компромиссной, чем сфера технических действий, бесполезная страсть к власти все-таки, при помощи медиа помрачает разум публики. Судьба медиолога такова, что он вынужден пользоваться сложившимся лексиконом, использовать термины традиции в тот самый момент, когда старается сбросить ее ярмо.

У основания нашей философской традиции мы находим оппозицию техника/культура, которую надо поостеречься принимать за чистую монету. Разве само понятие медиасферы не дает примера пересечения между техническими факторами и культурными ценностями? Это какая-то технокультура, которую в предельном случае можно назвать «цивилизацией» (объединяя в этом термине его немецкое значение, делающее упор на материальной базе, и значение французское, выделяющее произведения духа). Как бы там ни было, нам следует учесть эту классическую антитезу перед тем, как вновь поставить ее под вопрос. Как отказаться от устоявшихся классификационных рамок, не впадая в культурный нигилизм, который отрицает очевидное, а именно — что пишущая машинка «Ундервуд» — одно дело, а роман Дэшила Хаммета — другое? Рассмотрим проблему у ее истоков, в терминах генезиса, и начиная сначала. С палеонтологической точки зрения, технический акт является матричным. Именно из него все исходит, если вслед за Леруа-Гураном мы считаем, что антропогенез представляет собой техногенез. Всё и прежде всего освобождение внутреннего с помощью внешнего — от кремня к кремнию, от клепсидры к кварцевым часам — благодаря «уникальному свойству человека помещать свою память за пределы самого себя, в социальный организм». Но ведь такая память есть уже накопление программ поведения, потенциальных поступков, а стало быть, материализованная символическая информация. Орудие труда в руке является техническим объектом, но манипулирующая им рука —

субъект культуры (орудие же труда при отсутствии руки — это музейная абстракция). Эта «оперативная синергия орудия труда и поступка» и есть «технокультура».

Великий, если так можно выразиться, «непрерывник» (в противовес традиции логоцентризма, располагающей между животностью и человечностью внезапное и абсолютное разделение) Леруа-Гуран выделяет совместное развитие скелета (прямохождение), коры головного мозга (объем черепа) и кремня (ручное орудие труда). В этом строгом сцеплении, которым современный наблюдатель будет вдохновляться, Леруа-Гуран ни на миг не отрывает технические завоевания от продвижения в сфере символов. Способность к изготовлению вещей от дара речи (они взаимно друг друга предполагают) в противоположность логоцентризму, каковой через язык утверждает символ как ценность и самостоятельный мир. Вплоть до довольно поздней стадии совместной эволюции человека и орудия труда культура и техника образуют нераздельный блок, составленный всевозможными дополнениями к багажу, которые всеядное двуногое добавило к своему генетическому достоянию. Или если предпочитаете — всё, через что потребовалось пройти протокроманьонцу, чтобы стать *sapiens sapiens numericus*. Приобретенное, которое превзошло врожденное, некогда обозначало себя именем «искусство» («искусство - это человек «добавленный» к природе»). Многообещающий чулан. Сюда можно сложить всё — от покорения огня до завоевания вездесущности, от керамики до фотоники, проходя через письменность и пенициллин. Зато речевая компетенция входила в генетический запас, и некоторые предполагают, что *Homo erectus* обладал даром речи миллион лет назад (что было бы с неврологической точки зрения возможно у примата с объемом черепа 700 -800 см³, что отделяет шимпанзе от австралопитека). *Sapiens sapiens* изобрел письменность, но не членораздельную речь, лишь шесть или семь тысячелетий назад. Стало быть, письменность можно назвать «искусством» или техникой. Затем наступает момент, когда ряды расходятся достаточно для того, чтобы латинское «ars» дало рождение двум различным словам. Поначалу это разделение существовало ради удобства. В сторону «техники» мы отбросим ручной и материальный труд, необходимый для нашей физической жизни (изготавливать, охотиться, собирать, потреблять), чтобы подчеркнуть в культуре конечный продукт, результат этого труда по разработке. Тогда корзина, платье и книга будут называться культурными объектами, а ремесло корзищика, ткачество и книгопечатание — техникой. Эту стадию еще можно обвинить в определенной терминологической путанице, унаследованной от старых классовых и ценностных разделений между производителями - рабами или крепостными и потребителями - людьми свободными или представителями свободных профессий. Но фактом является то, что, затушевывая различие между техникой и культурой (в описательном, а не в нормативном смысле слова), мы видим, что культура как нравы и обычаи некоей группы людей (без ценностных суждений) легко вырисовывается из-за субстанциальных различий в рамках приобретений,

которые накапливает и передает человечество после неолита в двух совершенно несходных областях. А именно — начиная с промышленной революции, происходит растущее расхождение, из-за разлада в ритмах эволюции, между хорошо укорененными и относительно устойчивыми культурными сферами (язык, кухня, обычаи, религия) и устройствами мобильными и вовлеченными в ускоренное обновление (паровые машины, электричество, электроника и т.д.). Наши технические системы проявляют тенденцию занимать все более обширное пространство (они распространяются по всем направлениям), но срок их существования становится все короче; а вот наши культуры, т.е. совокупности форм, жестов и воспоминаний, предоставляемых каждым обществом в распоряжение его членов, образуют реальности большой продолжительности (слабо изменяясь во времени), оставаясь в существенных чертах вписанными в одну и ту же территорию (при большом разнообразии в пространстве).

Так, в Пекине, Кейптауне и Лиме в 2000 г. мы обнаружим те же эскалаторы, те же катодные трубки, автомобили и телефоны, что и в Париже, Москве или Берлине. Зато парижанин, москвич, берлинец ощутит себя в крайне чуждой обстановке в Пекине из-за китайских иероглифов и пользования палочками для еды, в Кейптауне из-за того, что негры поют gospel во время церковной службы, танцую враскачку, а в Лиме из-за того, что кивок индейца он примет за согласие, но тот будет означать «нет». Если бы наш путешественник попал в Пекин, Лиму или Кейптаун в 1900 г., он не удивился бы ни одной из банальных и не престижных инноваций, которые стали нам очень хорошо известны (настолько, что мы больше не замечаем их характер искусственности), но его бы озадачили вчера, как озадачивают сегодня, те же иероглифы, та же кухня и та же жестикуляция, которые внушали бы ему то же ощущение странности.

Мнемотехника, какой являются наши типы письменности, стабильнее наших машин. Логосиллабическая система (холистическая, и атомистическая запись слов), которой пользуются китайцы, осталась без изменений на протяжении тридцати пяти веков. Вот где подлинная китайская стена, с которой сталкивается западный мир с его латинским алфавитом! И функция ее состоит как раз в том, чтобы поддержать особую коллективную идентичность (даже если придется застопорить модернизацию). С другой стороны, мы видели уличную демонстрацию корейцев в Сеуле (1999) против проекта нового ввода китайских иероглифов в официальные документы, и чтобы сохранить хангыль, их собственную систему письменности, бастион их национальной идентичности в столкновении с китайским и японским миром.

Отсюда мы видим, что, в противоположность тому, что говорят благочестивые клише, культура дробит род человеческий на неналагаемые друг на друга разновидности - этносы, народы и цивилизации - тогда как техника объединяет его, гомогенизируя наши практические знания. Приверженность памяти мест является одним из факторов этноцентризма, принятие же «последней модели» — фактор экуменизма. Сквозь каждую

культуру проходит отгораживающий ее код, а не гороскоп. И экономические регионы легче поддаются объединению, чем хронологические эры (сопротивляется время). Пространство, где распространяется «последний крик моды», является изотропным, так что любое орудие труда можно подделывать где угодно или экспортировать куда угодно (без необходимости для изобретателей что-либо завоевывать или оккупировать).

В этом отношении все территории, пройдя известный порог компетенции, будут обладать одними и теми же свойствами. Для инженера или информатика не существует ни святого места, ни священной границы, ни пупа земли — автомобили, компьютеры и электростанции повсюду у себя дома; поскольку их функционирование не привязано ни к конкретной территории, ни к конкретному языку, ни к какой-то религии, они могут пробивать себе путь на все четыре стороны света. А вот пространство нравов, языков и мифов гетерогенно и поляризовано, прикреплено к почве и по природе своей устойчиво; до малейшей подробности оно кристаллизуется подобно религиозному пространству, поскольку обладает подобной ему природой. Со столицей, откуда исходят лучи благодати (Иерусалим, Рим, Мекка), со священными местами (святые места), со своей «удельной землей» (где осуществилось обращение неверных), с адом и лимбом (периферия, где живут неверные). Тем самым перед нами предстают два свойства, характерные для технического мира, которые на первый взгляд противопоставляют его мирам культур, подобно тому, как глобальное противостоит локальному, а динамическое (или неустойчивое) — идентичному (или стабилизированному).

Техника не имеет границ. Она может возникать откуда угодно, куда угодно, потому что в ее логике - упрощать и объединять по наименьшему общему знаменателю. Она непрерывно все больше, поэтапно, гомогенизирует процедуры и пространства. Таковы вехи старой работы по стандартизации. Всякая техническая деятельность, пройдя известную стадию, требует стандартизации, и история всякой техники (идет ли речь о железных дорогах или о радио- и телевидении) представляет собой историю прогрессивной нормализации. Механические часы в конце Средневековья уже пробивали один и тот же час во всех уголках страны, а после этого было введено стандартное время (по Гринвичу) и стандартные часовые пояса. Для организации пространства деятельность по строительству железных дорог стала первоочередной по направлению к консенсусу, наступившему в индустриальную эпоху. Электрический телеграф, позволивший расширить понятие транспортировки, разрешив проблему движения по единственному пути, произвел первый международный сигнальный код, каковым является азбука Морзе (технологии объектов и знаков взаимно определяют друг друга).

Безопасность, сотрудничество, сертификация, спецификация служат здесь ключевыми словами. Не так давно телевидение разработало стандарты вещания (PAL и SECAM), а цифровое кодирование объединило все каналы на телефонном проводе, сочетав телекоммуникацию, микрокомпьютеры,

аудиовизуальные средства, фильмы, CD и фотографию в унимедиа («мультимедиа» — выражение неправильное, так как они технически униформизированы). К примеру, Интернет есть не что иное, как завершение протокола интерактивной работы. Тем самым расширяющийся пучок сетей показывает в тенденции стремление к «совершенству», предвосхищая человечество как единое взаимосвязанное целое, глобальную и стандартизованную деревню, с изолятами, согласованными посредством одной и той же системы мер, восхваляющей особенности или издевающейся над ними.

В мире существует три тысячи разговорных языков, но лишь три стандарта ширины колеи для железных дорог, два стандарта напряжения для наших электрических устройств и единственная Международная организация гражданской авиации (ИКАО), занимающаяся дистанционным управлением всеми воздушными судами на одном и том же техническом коде, на английском языке. В сходстве линий эволюции технических объектов в культурах, не поддерживающих контактов между собой, выражается объективная универсальность законов природы: конечное основание этой универсальности — в науке.

Все топоры, как правило, снабжаются топорщиком, корпуса всех судов, как правило, делаются веретенообразными. В этой области за физическими свойствами древесины, воздуха, воды и т.д. будет последнее слово. Аллен говорил, что именно море занимается отделкой кораблей, выбирая подходящие и уничтожая остальные. Как будто бы все происходит так, как если бы идеальный прототип рыбы или обтесанного кремня развивался — согласно предустановленным линиям — от рыбы к земноводному, к млекопитающему или к птице, от недифференцированного кремня в его форме с тонко отделанными лезвиями к медному ножу и к стальной сабле. Не надо поддаваться иллюзии: в этих линиях выражается один из аспектов жизни, аспект неизбежного и ограниченного выбора, каковой среда предлагает живой материи. Мы видели, что черты культуры блокируют или замедляют наступление технической зрелости в некоторых цивилизациях (например, колесо в доколумбовой Америке), но стоит появиться орудиям труда, как повсюду, в каждой линии (галечное орудие, рубило, скребок, острое, лезвие, ножи) они следуют аналогичному порядку преемственности. Та или иная культура, может придавать щиту, уздечке, мотыге или пишущей машинке определенный уникальный декоративный стиль, но всему этому неумолимо будут навязываться функциональные формулы, ибо законы материи обязывают. В этом смысле мондиализация сегодняшнего дня началась с первого обтесанного проторубила, потому что конвергенция неотъемлемо присуща той логике, которая стремится к самому выгодному отношению производительности к затратам, и это — от духового ружья до ракеты-носителя.

Разумеется, техническая стандартизация не является нейтральной. Она охватывает силовые экономические и политические отношения, ее аренами являются вроде бы аполитичные международные органы (например, ISO,

International Standardization Organization, которая стандартизирует книги, грампластинки, а также аудиовизуальные произведения). Великие политические битвы сегодня — это битвы вокруг норм и разворачиваются они не на виду у публики и при ее безразличии. Кто навязывает свою норму, тот возводит собственное локальное на уровень универсального. Тем самым господство/стандартизация мира зашифровывается в бесстрастных, но определяющих печатях (например, стандарт MPEG-2 для движущегося образа, или JPEG для образа фиксированного).

Техника есть место, где свершается прогресс. Имеющейся в тенденции повсеместности ее распространения соответствует усовершенствование ее достижений «до упора», при необратимости (невозможности вернуться назад), что не имеет эквивалента в мире культуры. Так, после изобретения артиллерии ни одна армия не вооружается арбалетами; после возникновения железных дорог исчезают кучера и дилижансы; после создания антибиотиков декоры переходят из больниц в салоны. Зато в истории искусств Пикассо может возобновить «негритянское искусство», а какого-нибудь любителя музыки нельзя осуждать за то, что он больше любит Баха, нежели Вивальди. Все эпохи, все школы выступают здесь на равных. История культуры не размечена дорожными знаками. Вызовет наш смех тот, кто будет считать, будто Ролз — более дельный политический философ, нежели Руссо, потому что первый позже родился, или что добрый доктор Швейцер обладал более высокой моралью, чем св. Винсент де Поль, потому что Швейцер получил возможность накопить духовный опыт трех столетий после св. Винсента. Технический прогресс может быть алеаторным, неодинаково распределенным (по широтам), нерегулярным (внезапные бифуркации или продолжительные остановки) и порою пугающим (Хиросима и Чернобыль) и все-таки эволюционная динамика технического мира является реальностью. Принятие этого к сведению не имеет в виду никакой «эволюционистской» предвзятости (когда всякая стадия последующего развития выше предыдущей), ни, впрочем, антиэволюционизма (та же мифология, но перевернутая), для которой предыдущее выше сегодняшнего, и тогда «движение к прогрессу» трактуется здесь как «движение к катастрофе», экологической, духовной и обеим сразу.

Рост наших машинных мощностей поддается измерению в терминах КПД, объема, долговечности, скорости и т.д. Другое дело качественная оценка этих количественных приобретений. Мы вполне можем, для самих себя, предпочитать ходьбу пешком полетам на «Конкорде», если у нас другое представление о времени, природе и свободе, нежели у спешащих бизнесменов. Но это уже другой вопрос, этический (зачем он нужен, этот прогресс?), который нельзя путать с первым, физическим (как движутся дела, каковы продвижения?). Наилучшей реакцией на позитивизм (пренебрежение смыслом во имя фактов) нам не кажется экзорцизм (пренебрежение фактами во имя смысла).

В итоге мы видим две сферы, два способа существования объекта, износ которого здесь и там имеет разные значения. Так, клепсида, керосиновая

лампа или ручная кофемолка возвращают меня в прошлое и возбуждают любознательность: они рассказывают о вчерашнем мире и о жизни предков. Миф о Прометее, сонет Рембо «Гласные» или яблоки Сезанна вызывают экзистенциальный интерес: они рассказывают мою собственную жизнь и помогают ориентироваться в мире смысла. В культурном отношении мы остаемся современниками Платона (или можем стать подобными Платону, выучив его язык); в техническом отношении ничто не сможет нас к Платону приблизить.

С одной стороны, время обратимо, оно объединяет, с другой, - оно разделяет. Для современного инженера узнать принцип действия паровой машины – не ахти что (всего лишь подтверждение таких физических принципов, как термодинамика необратимых процессов), но посещение Музея искусств и ремесел не является жизненно важным для информатики, живописец всегда может узнать нечто новое из старинного произведения, а художник, который поклянется, что ноги его не будет в Лувре, может вызвать наше законное беспокойство. Человек убегает от хронологии своими произведениями, он вновь погружается в нее своими машинами.

Подведем итоги. Техническая система выражает внутренние совместимости по оснащению общества для каждой эпохи — без учета границ; система культуры обеспечивает в рамках некоего заданного общества существующую сплоченность между его прошлым и настоящим. Эту оппозицию можно прояснить в краткой таблице, служащей дидактическим целям, не забывая о том, что речь не идет о категориях, которые необходимо вписывать в неизбывный и пустой конфликт между регистрами. Доказательство этому в том, что всякое техническое устройство наделяется особым символическим измерением в зависимости от культуры, где оно имеет место.

Логика вещей (плюралистическая), к счастью, затушевывает вещи логики (здесь — упрощенческой), однако последняя поможет нам лучше понять первую. Сравнительная шпартгалка служит здесь для помощи и не заменяет разум, необходимый для конкретных ситуаций. Приблизительно такой была эта решетка в XIX-XX вв. Если «изменились сами способы изменения» (Бруно Латур), то может быть, что в XXI в. правое и левое поменяются местами. И тогда мы перейдем из мира, где ускорение инноваций, предполагаемых факторов спокойствия и гармонизации, было хорошо само по себе (и «прогрессивно»), в мир, где способствовать сосуществованию несоизмеримого и сочетать различия будет наилучшим (и «прогрессивным»).

Первое приходящее на ум возражение при встрече с подобной «таблицей» состоит в том, что, с одной стороны, мы не можем отождествлять технику и универсальное, а с другой, — культуру и локальное. Сегодня больше, чем когда-либо, очевидно, что идеи путешествуют повсюду, как и формы, и вкусы. Никто не бывает прикован к своему куску земли, подобно растению, или замкнут в своей родословной, и всеобщая подвижность уникальным образом повысила шансы на синкретизм и межкультурное

«оплодотворение». Римский католицизм сегодня является больше африканским и латиноамериканским, чем европейским; на Западе существуют буддийские монастыри (их все больше и больше), а жителей Запада становится все больше в индуистских ашрамах. Бордоский лук произрастает в Калифорнии, а тайцзи можно встретить в любом сквере. Вся музыка мира смешивается в наших коробках для дисков. Миграционные потоки и телекоммуникация не только видоизменяют состав ветвей культуры (перенос преобразует, среда накладывает отпечаток), но и позволяют проводить разного рода «размножение черенками», гибридизацию и восстановления. Фактически мы увидим, что в этом отношении действительно существует новая данность. Однако даже если культур-индустрия изготавливает и напрямую продает содержание сознания или воспроизводимые сильные ощущения, которыми можно поделиться с любым уголком земного шара, пренебрегая местными особенностями, то «культурная мондиализация» ни в коем случае не может, вопреки видимости, сводиться к этому движению по униформизации через рост обмена. Сколь бы абстрактным ни было категориальное различие между двумя порядками, оно окажется полезным для оценки сегодняшнего и особенно завтрашнего напряжения.

Контрольные вопросы к Теме 5

1. В чем уникальность медиаккультуры и ее отличие от культуры традиционной?
2. Парадокс сциентизма и антисциентизма.
3. Истоки недооценки техноккультуры в европейской цивилизации.
4. Понятие «техника», основные ее характеристики.
5. Какие эпохи в истории человеческой цивилизации, а значит, и в истории медиаккультуры выделил Г.М. Маклюэн? Какие формы и виды медийной культуры сложились исторически и в чем их особенности?

Литература

1. Ионин Л.Г. Социология культуры. - М., 2004.
2. Вебер М. Избранные произведения. - М., 1990.
3. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. - М., 1972.
4. Конт О. Курс позитивной философии. - СПб., 1900.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. - М., 1985.
6. Маркузе Г. Культура и общество. - Франкфурт. 1965.
7. Платон Диалоги. - М., 1986.
8. Тейлор Э. Первобытная культура. - М., 1989.
9. Тенбрук Ф. Социальная структура и культура. - Франкфурт. 1990.
10. Хабермас Ю. Философский дискурс современности. - Франкфурт. 1985.
11. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. - М., 2004.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Тема 1. Репрезентативная культура.....	5
Тема 2. Методологические аспекты медиагенезиса.....	16
Тема 3. Структуры медиа.....	21
Тема 4. Классификация медиасфер.....	31
Тема 5. Техника и культура.....	37
Литература.....	46